

Писатель, который произвел на меня
самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Ричард Матесон

НАЖМИТЕ КНОПКУ

Ричард Матесон

Нажмите кнопку

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28739682

Нажмите кнопку: рассказы / Ричард Матесон : Азбука-Амтикус; 2018

ISBN 978-5-389-15018-8

Аннотация

Ричард Матесон (1926–2013) – автор бестселлеров «Я – легенда», «Адский дом», «Куда приводят мечты», «Невероятный уменьшающийся человек» и многочисленных рассказов. Один из наиболее успешных и знаменитых писателей в жанре мистики, он оказал заметное влияние на творчество Стивена Кинга и Дина Кунца. По мотивам многих его произведений были сняты кино-хиты («Дуэль», «Посылка», «Путь вниз» и др.), а роман «Я – легенда» экранизирован трижды. Коронный прием Матесона – одиночество в невыносимых для жизни условиях; его герои – обычные люди, попадающие в крайне необычные и опасные ситуации и вынужденные вести отчаянную борьбу за свое спасение.

В этот сборник вошли его лучшие рассказы.

Содержание

Рожденный мужчиной и женщиной	5
Добыча	10
Ведьмы на тропе войны	29
Дом неземных достоинств	38
Кровный сын	72
Кто хочет, тот добьется	86
Только для тех, кто скоро умрет	97
Подделки	124
Корабль смерти	128
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Ричард Матесон

Нажмите кнопку

Richard Matheson

THE BEST OF RICHARD MATHESON

Copyright © 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1957,
1958, 1959, 1960, 1962, 1963, 1969, 1970, 1971, 1980, 2006,
2008 by RXR, Inc.

All rights reserved

© В. Баканов, перевод, 2018

© И. Иванов, перевод, 2018

© Е. Королева, перевод, 2018

© Г. Корчагин, перевод, 2018

© С. Удалин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Рожденный мужчиной и женщиной

...В этот день когда было светло мама назвала меня блевотина. Прямо так и сказала ты блевотина. И глаза у нее были сердитые. Интересно что такое блевотина.

В этот день сверху падала вода. Она падала везде. Я все видел. У меня есть маленькое окошко и я из него видел землю. Земля всасывала воду как будто это были губы и они очень хотели пить. Она выпила слишком много и стала большая жидкая и грязная. Мне не понравилось.

Моя мама очень красивая. Там где я сплю у холодной стены у меня есть бумажка с картинками. Я нашел ее за печкой. Там написано ЗВЕЗДЫ КИНО. На картинках нарисованы лица как у мамы с папой. Папа сказал что они красивые. Прямо так и сказал.

Еще он сказал что мама тоже. Мама красивая и я весь в нее. Полюбуйся на себя сказал он и лицо у него было недоброе. Я дотронулся до него и сказал хорошо. Папа вздрогнул и отошел чтобы я не мог до него дотронуться. Сегодня мама ненадолго сняла с меня цепь и я мог посмотреть в окошко. Тогда я и увидел как сверху падала вода.

...В этот день наверху было что-то золотое. Теперь я знаю если на него смотреть то глазам будет больно. Я долго смотрел и потом в подвале все было красным.

Я думаю это и называется пошли в церковь. Они вышли наверх. Большая машина проглотила их она проехала мимо и исчезла. Там сзади была маленькая мама. Она еще меньше чем я. Я большой я могу увидеть в окошко все что захочу.

В этот день когда стало темно я съел свою еду и немножко букашек. Я услышал что наверху смеются. И я захотел узнать почему там смеются. Я выдернул цепь из стены и намотал на себя. Пополз вверх по ступенькам. Они скрипят когда я по ним иду. И ноги на них скользят поэтому я не хожу по ним. А еще дерево колется.

Я поднялся и открыл дверь. Там был белый дворец. Белый как белые камешки которые иногда появляются сверху. Я стоял и молчал. Потом опять услышал смех. Я пошел туда где смеялись и увидел много людей. Я думал что так много людей не бывает. Я решил что буду смеяться с ними.

Тут мама толкнула дверь. Дверь больно меня ударила. Я упал и цепь громко звякнула. Я закричал. Мама зашипела и приложила палец к губам. Глаза у нее стали большие.

Она смотрела на меня. Папа позвал ее. Он спросил что там упало. Она сказала железная полка. Она сказала иди сюда и помоги поднять ее. Он пришел и сказал тебе так срочно это нужно. Потом он увидел меня и глаза у него тоже стали большие. Большие и злые. Он ударил меня. С моей руки на пол упали капли. Они были противные. От них пол стал зеленый.

Папа сказал мне вернись в подвал. Мне пришлось пойти

туда. Глазам стало больно от света. Он был не такой приятный как в подвале.

Папа связал мне руки и ноги. Он положил меня на мою кровать. Наверху смеялись а я лежал тихо и смотрел на черного паука который висел надо мной. Я думал о том что сказал папа. Огосподи сказал он. Только восемь.

...В этот день папа вбил цепь обратно до того как стало светло. Я попробую снова ее вытащить. Он сказал что я плохой потому что пришел наверх. Он сказал чтобы я так больше не делал или он больно меня побьет. Мне было обидно.

...Я выдернул цепь из стены. Мама была наверху. Я услышал негромкий смех очень высоко. Тогда я посмотрел в окно. Я увидел много маленьких людей как маленькая мама и маленькие папы. Они красивые.

Они весело шумели и подпрыгивали. Их ноги двигались очень быстро. Они были похожи на маму и папу. Мама говорила все правильно люди и должны быть похожи.

Один маленький папа меня увидел. Он показал на окно. Я отцепился от окна и съехал по стене в темноту. Сжался чтобы они меня не увидели. Я слышал как они говорят и топают ногами. Наверху хлопнула дверь. Маленькая мама что-то крикнула. Я услышал громкие шаги и бросился туда где я сплю. Воткнул цепь в стену и лег на живот.

Ко мне спустилась мама. Ты смотрел в окно сказала она.

Голос у нее был злой. Не подходи к окну. Ты снова вытащил цепь.

Она взяла палку и ударила меня. Я не заплакал. Я не умею так делать. Но капля упала на кровать. Она это увидела и отвернулась с каким-то звуком. Обожемойбожемой сказала она за что ты так со мной? Палка упала на пол. А мама убежала наверх.

...В этот день опять падала вода. Когда мама была наверху я услышал как кто-то маленький тихо спускается по ступенькам. Я спрятался в угольной яме потому что мама рассердится если маленькая мама меня увидит.

С ней было что-то маленькое и живое. Оно ходило на руках и у него были острые уши. Она говорила с маленьким живым.

Все было бы хорошо но маленькое живое почувствовало мой запах. Оно побегало по углю и посмотрело на меня. Волосы у него поднялись вверх. Оно сердито зашумело. Я зашипел но оно бросилось на меня.

Я не хотел делать ему плохо. Я испугался потому что оно меня укусило сильнее чем крыса. Мне было больно а маленькая мама закричала. Я крепко схватил маленькое живое. Оно сделало такой звук какого я никогда не слышал. Я сжал его. Оно стало красным комком на черном угле.

Я спрятался когда закричала мама. Я испугался палки. Она убежала. Я прополз по углю с маленьким неживым. Я

положил его под подушку и лег сверху. А цепь я снова вставил в стену.

...В этот раз все было по-другому. Папа посадил меня на крепкую цепь. Мне было больно потому что он ударил меня. В этот раз я выбил палку у него из рук и громко зашумел. Он отбежал и лицо у него стало бледное. Он поднялся по ступенькам и запер дверь.

Я не очень обрадовался. Здесь целый день очень холодно. Цепь вылезает из стены медленно. И я очень сержусь на папу и маму. Я им покажу. Я сделаю то что уже один раз сделал.

Я буду визжать и громко смеяться. Буду бегать по стенам. Потом зацеплюсь всеми руками и буду висеть вниз головой и брызгать во все стороны зелеными каплями пока они не пожалеют что не были добрыми.

А если они попробуют опять меня ударить я сделаю им больно. Точно сделаю.

Перевод С. Удалина

Добыча

Амелия пришла домой в четырнадцать минут седьмого. Убрав пальто в стенной шкаф, она внесла в гостиную небольшой сверток и уселась на диван. Скинула туфли, пока развязывала положенный на колени сверток. Извлеченная деревянная коробка напоминала гроб. Амелия подняла крышку и улыбнулась. Внутри лежала самая безобразная кукла, какую она когда-либо видела. Ростом сантиметров двадцать, вырезанная из дерева, со скелетоподобным тельцем и несомерно большой головой. На лице куклы застыло выражение неистовой злобы, острые зубы оскалены, глаза навывкате. В правой руке кукла сжимала копьё высотой с нее саму. Все тело от плеч до коленей обвивала изящная золотая цепочка. Под куклой к задней стенке коробки был приколот крошечный свиток. Амелия отколола его и развернула. Бумага была исписана от руки. «Он Тот, Который Убивает, – начиналась записка. – Безжалостный охотник». Амелия снова улыбнулась, когда читала последние слова. Артур будет счастлив.

Мысль об Артуре заставила ее взглянуть на телефон, стоявший на столе рядом. Спустя некоторое время она вздохнула и положила деревянную коробку на диван. Поставив на колени телефон, она подняла трубку и набрала номер.

– Привет, мам, – сказала Амелия.

– Как, ты еще не вышла? – спросила мать.

Амелия собралась с духом.

– Мам, я знаю, что сегодня пятница... – начала она.

Закончить она не смогла. На другом конце провода повисло молчание. Амелия закрыла глаза. «Мама, умоляю», – мысленно просила она. Амелия сглотнула.

– Есть один человек, – произнесла она. – Его зовут Артур Бреслоу. Он преподает в школе.

– Значит, ты не придешь, – сказала мать.

Амелия задрожала:

– У него сегодня день рождения. – Она открыла глаза и посмотрела на куклу. – Я, в общем-то, обещала ему, что мы... проведем этот вечер вместе.

Мать молчала. «Все равно сегодня в кино нет ничего интересного», – продолжала Амелия про себя.

– Мы с тобой сходим куда-нибудь завтра вечером, – сказала она вслух.

Мать по-прежнему молчала.

– Мама?

– Теперь даже вечера пятницы для тебя слишком много.

– Мама, мы с тобой видимся два-три раза в неделю.

– Приходишь в гости. Хотя у тебя здесь есть своя комната.

– Мама, не начинай все сначала.

«Я не ребенок, – подумала Амелия. – Прекрати обращаться со мной так, словно я ребенок!»

– Сколько ты с ним уже встречаешься? – спросила мать.

– Примерно месяц.

– И ни слова мне не сказала.

– Я как раз собиралась.

У Амелии начала гудеть голова. «Нет, голова у меня не заболит!» – приказала она себе. Она взглянула на куклу. Та как будто пристально рассматривала ее.

– Он очень милый человек, мама, – сказала Амелия.

Мать ничего не ответила. Амелия почувствовала, как каменеют мышцы живота. «Сегодня вечером есть я уже не смогу», – решила она.

Амелия внезапно поняла, что вся съежилась над телефоном. Она заставила себя сесть прямо. «Мне тридцать три года», – напомнил внутренний голос. Протянув руку, она вынула куклу из коробки.

– Видела бы ты, что я купила ему в подарок. Нашла в сувенирном магазине на Третьей авеню. Настоящая кукла-фетиш племени зуни¹, ужасно редкая. Артур просто помешан на антропологии. Поэтому я ее и купила.

В трубке царило молчание. «Ну и ладно, ну и не разговаривай», – подумала Амелия.

– Это охотничий фетиш. – Она изо всех сил старалась говорить непринужденно. – Предполагается, что внутри куклы заточен дух охотника зуни. Все тело обмотано золотой цепочкой, чтобы не позволить духу... – она не смогла подобрать слово, провела дрожащим пальцем по цепочке, – вырваться на свободу, кажется, так, – закончила она. – Его зо-

¹ *Зуни* – индейское племя, живущее на юго-западе США. (Примеч. ред.)

вут Тот, Который Убивает. Видела бы ты его лицо.

Она чувствовала, как теплые слезы катятся по щекам.

– Счастливо повеселиться, – сказала мать, вешая трубку.

Амелия смотрела на трубку, слушая гудки. «Ну почему вечно все вот так?» Она уронила трубку на рычаг и отставила телефон. Темнеющая комната расплывалась перед глазами. Амелия поставила куклу на край кофейного столика и поднялась. «Сейчас я приму ванну, – сказала она себе. – Я встречу с ним, и мы прекрасно проведем время». Она прошла через комнату. «Прекрасно проведем время», – гулко повторил разум. Она знала, что ничего не получится. «Боже, мама!» – подумала она. Сжала в бессильной ярости кулаки и вошла в ванную.

А в гостиной кукла упала с края кофейного столика. Наконечник копья вонзился в ковер, и кукла замерла вверх тормашками.

Изящная золотая цепочка стала сползать вниз.

За окном почти стемнело, когда Амелия вернулась в гостиную. Она сняла одежду и надела махровый халат. В ванне набиралась вода.

Она присела на диван и поставила телефон на колени. Смотрела на него несколько минут. Наконец, тяжело вздохнув, она подняла трубку и набрала номер.

– Артур? – произнесла она, когда он поднял трубку.

– Да?

Амелии был знаком этот тон, любезный, но слегка подозрительный. Она не могла решиться.

– Твоя мать, – сказал наконец Артур.

Какая тяжесть и холод в животе.

– Мы должны были сегодня встретиться, – пояснила она. – Каждую пятницу... – Она прервалась и подождала; Артур молчал. – Я уже как-то говорила об этом.

– Я помню, что ты говорила.

Амелия потеряла висок.

– Похоже, она по-прежнему управляет твоей жизнью? – спросил он.

Она напряглась:

– Просто я не хочу еще больше расстраивать ее. Мой переезд и так был для нее тяжелым ударом.

– Я тоже не хочу ее расстраивать, – заверил Артур. – Но сколько у меня дней рождения в году? Мы же договорились.

– Я знаю. – Она ощутила, как снова начинают твердеть мышцы живота.

– Ты действительно позволишь ей так с тобой поступить? В одну-единственную пятницу в году?

Амелия закрыла глаза. Ее губы беззвучно шевелились. «Я просто не могу еще больше ее расстраивать», – подумала Амелия. Она проглотила комок в горле:

– Она моя мать.

– Очень хорошо. Прошу прощения. Я так ждал этого дня, но... – Он помолчал. – Извини, – сказал он. И быстро пове-

сил трубку.

Амелия долго сидела в тишине, прислушиваясь к гудкам. Она вздрогнула, когда раздался записанный на пленку голос: – Повесьте, пожалуйста, трубку.

Положив трубку, она поставила телефон на стол. «А я так старалась с подарком», – подумала она. Теперь уже нет смысла вручать его Артуру. Протянув руку, она включила лампу на столе. Завтра же надо отнести куклу обратно.

Куклы на кофейном столике не было. Опустив глаза, она увидела на ковре золотую цепочку. Амелия соскользнула с дивана и встала на колени, подняла цепочку и положила ее в деревянную коробку. Под столиком куклы тоже не оказалось. Наклонившись, Амелия пошарила под диваном.

Вскрикнув, отдернула руку. Она выпрямилась, развернулась к лампе и посмотрела на указательный палец. Из-под ногтя что-то торчало. Она вздрогнула, вынимая это что-то. Наконечник кукольного копья. Она бросила его в коробку и пососала палец. Снова наклонившись, осторожно провела рукой под диваном.

Куклы она не нашла. Поднявшись с усталым стоном, Амелия начала отодвигать диван от стены. Диван был ужасно тяжелый. Она вспомнила тот вечер, когда они с матерью отправились в мебельный магазин. Ей хотелось обставить комнату современной датской мебелью. Мать же настояла на этом тяжелом кленовом диване – он продавался со скидкой. Амелия стонала, оттаскивая его. Тут до нее донесся шум теку-

щей воды из ванной. Надо бы уже выключить.

Она осмотрела открывшуюся взгляду часть ковра, заметила древко копья. Куклы рядом не было. Амелия подняла копье и положила на кофейный столик. Кукла застряла под диваном, решила она, и когда передвигала диван, то перетащила вместе с ним и куклу.

Ей показалось, что за спиной послышался какой-то звук – легкий, быстрый топот. Амелия обернулась. Звук пропал. Она ощутила, как холодок поднимается по ногам.

– Это Тот, Который Убивает, – сказала она, улыбнувшись. – Он снял с себя золотую цепь и убежал...

Она вдруг замолчала. Из кухни явственно доносился какой-то шум. Металлический скрежет. Амелия нервно сглотнула. «Что же происходит?» Она прошла через гостиную, приблизилась к двери в кухню, включила свет. Заглянула внутрь. С виду все как обычно. Взгляд робко прошелся по плите с кастрюлей, по столу и стульям, по ящикам и дверцам, по электрическим часам, маленькому холодильнику с лежащей на нем кулинарной книгой, по картине на стене, по держателю для ножей, привинченному к боку шкафчика...

Маленького ножика не хватало.

Амелия смотрела на держатель. «Не глупи», – велела она себе. Просто положила нож в стол, вот и все. Она вошла в кухню и выдвинула ящик со столовыми приборами. Ножа там не было.

Новый звук заставил ее немедленно перевести взгляд на

пол. Она вскрикнула от изумления. Несколько мгновений Амелия стояла замерев на месте, затем, шагнув к двери, заглянула в комнату; сердце тяжело колотилось. Неужели это игра воображения? Она была уверена, что уловила какое-то движение.

– Ну хватит уже, – сказала она себе. После чего презрительно фыркнула. Ничего она не видела.

У дальней стены комнаты погасла лампа.

Амелия от неожиданности вздрогнула так, что ударилась правым локтем о ручку двери. Вскрикнув, она схватилась за локоть другой рукой, глаза на миг закрылись, лицо превратилось в гримасу боли.

Она открыла глаза и заглянула в темную гостиную.

– Ну хватит уже! – повторила она себе с раздражением. Какого-то шороха и перегоревшей лампочки явно недостаточно, чтобы выдумывать всякую...

Она прогнала от себя дурную мысль. Нужно пойти и выключить воду. Она вышла из кухни в коридор. На ходу она, морщась, потирала локоть.

Снова какой-то шум. Амелия замерла. Что-то двигалось к ней по ковру. Она уставилась на пол. «Нет», – подумала она.

А потом она увидела – стремительное движение на уровне ковра. Сверкнул металл, и сейчас же правую голень пронзила боль. Амелия ахнула. Не глядя ударила ногой. Снова боль. Она чувствовала, как по коже струится горячая кровь. Амелия развернулась и кинулась в прихожую. Ковер под но-

гами дернулся, ее отбросило к стене, жгучая боль затопила правую щиколотку. Амелия схватилась за стену, чтобы не упасть, привалилась к ней боком. Она озиралась, рыдая от страха.

Новое движение, темная тень на темном фоне. Боль в левой лодыжке, потом снова в правой. Амелия закричала. Что-то задело ее по бедру. Она отшатнулась назад, снова чуть не упала. Силясь сохранить равновесие, она судорожно замахала руками. Пятка левой ноги уперлась в стену, что позволило ей устоять. Амелия развернулась и кинулась в темную спальню. Захлопнув дверь, она привалилась к ней, грудь сотрясали тяжелые вздохи. Что-то колотилось в дверь с другой стороны, что-то маленькое, на уровне пола.

Амелия прислушалась, стараясь не дышать так шумно. Она осторожно потянула за ручку, чтобы проверить, что замок успел защелкнуться. Когда за дверью все затихло, она попятилась в сторону кровати. Вздогнула, упершись в край матраса. Опустившись на постель, она схватила другой телефон и поставила на колени. Кому звонить? В полицию? Там решат, что она сумасшедшая. Матери? Она слишком далеко.

Амелия набирала номер Артура в свете, доходящем из ванной, когда ручка двери начала поворачиваться. Ее пальцы онемели. Она уставилась на другой конец темной комнаты. Замок на двери щелкнул. Телефон соскользнул с колен. Она услышала стук удара о ковер, когда дверь начала открываться. Что-то отцепилось от дверной ручки.

Амелия отпрянула назад, подтянув ноги наверх. Какая-то тень суетливо пробежала по ковру к кровати. Она смотрела разинув рот. «Этого не может быть», — подумала она. Амелия обмерла, почувствовав, как что-то дергает за покрывало. Оно лезет на кровать, чтобы добраться до нее. «Нет, этого не может быть!» Она не могла пошевелиться. Глаза усталились на край матраса.

Показалось нечто похожее на маленькую головку. Амелия дернулась с испуганным криком, спешно переползла к другому концу кровати и прыгнула на пол. Влетев в ванную, она развернулась и захлопнула дверь, стеноя от боли в лодыжке. Амелия едва успела нажать большим пальцем кнопку на ручке, как что-то ударилось в нижнюю часть двери. Послышался звук, похожий на скребущуюся крысу. А потом все затихло.

Она склонилась над ванной. Та была уже почти полной. Потянувшись, чтобы закрыть краны, Амелия увидела в воде расплывающиеся капли крови. Она повернулась к зеркальному шкафчику над раковиной.

Дыхание перехватило, когда она увидела порез на шее. Амелия зажала рану трясущейся рукой. Вдруг она осознала и боль в ногах и опустила глаза. Обе ноги были порезаны на уровне щиколотки. Кровь стекала по пяткам на пол. Амелия заплакала. Кровь из шеи бежала между пальцами. Струилась по запястью. Она взглянула на себя в зеркало сквозь пелену слез.

Кое-что в собственном отражении ее рассердило: перепуганный взгляд затравленной жертвы. «Ну уж нет», – возмутилась она. Амелия протянула руку к дверце аптечки. Открыв ее, она достала йод, бинт, пластырь. Опустила крышку унитаза и осторожно села на край. Ей пришлось потрудиться, чтобы открыть бутылочку с йодом. Она трижды стукнула ее о раковину, прежде чем пробка поддалась.

Из рта вырвался стон, когда йод начал жечь ноги. Сстиснув зубы, Амелия стала обматывать бинтом правую лодыжку.

Какой-то звук заставил ее обернуться к двери. В промежутке между дверью и полом просунулось лезвие ножа. «Он пытается проткнуть мне ноги, – поняла она, – он думает, что я стою прямо за дверью». Подобные мысли звучали как полное безумие. «Он Тот, Который Убивает, – вспомнились внезапно слова из свитка. – Беспощадный охотник». Амелия смотрела на мелькающее лезвие. «Боже», – думала она.

Она торопливо забинтовала обе ноги, затем встала и, глядя в зеркало, полотенцем смыла кровь с шеи. Прижгла йодом порез, шипя от пронзительной боли.

Амелия обернулась на новый звук, чувствуя, как прыгает в груди сердце. Она шагнула к двери и прижалась к ней, напряженно прислушиваясь. На высоте ручки раздавалось металлическое позвякивание.

«Кукла пытается отжать кнопку».

Амелия медленно попятилась, не сводя глаз с дверной

ручки. Она попыталась представить себе куклу. Наверное, та висит на ручке, зацепившись одной рукой, а ножом, зажатым в другой руке, ковыряет замок? Совершенно безумная картина. Амелия ощутила, как волосы на затылке встают дыбом. «Нельзя его впускать!»

Она оскалилась, испустив сиплый крик, когда кнопка дверной ручки выскочила наружу. Поддавшись импульсу, Амелия схватила с вешалки банное полотенце. Ручка повернулась, запор щелкнул. Дверь начала открываться.

И внезапно в ванную ринулась кукла. Она двигалась так быстро, что ее фигура расплывалась перед глазами. Амелия с силой ударила полотенцем, словно на нее напал огромный жук. Охотник отлетел к стене. Амелия бросила в него полотенце и кинулась к двери, постанывая от боли в лодыжках. Распахнув дверь, она выскочила в спальню.

Почти у самой двери в коридор Амелия подвернула ногу. С испуганным криком она растянулась на ковре. Сзади послышался шум. Развернувшись на спину, она увидела, что кукла, подпрыгивая, словно паук-скакун, выбегает из двери ванной. В свете лампочки блеснуло лезвие ножа. Затем кукла скрылась в тени, стремительно приближаясь к ней. Амелия поползла спиной вперед. Она обернулась через плечо, увидела чулан, заползла в его темноту и потянулась к ручке дверцы.

Снова боль, обжигающий порез на ноге. Амелия закричала и отпрянула назад. Вскинув руку, она сдернула с вешалки

пальто. Пальто упало на куклу. Амелия принялась швырять в нее все, что попадалось под руку. Кукла была погребена под ворохом блузок, юбок и платьев. Амелия перевалилась через шевелящуюся гору одежды. Она заставила себя встать на ноги и изо всех сил бросилась в прихожую. Звук рвущейся на полу ткани затих. Амелия кинулась к входной двери. Отперев ее, она повернула ручку.

Дверь не открывалась. Амелия быстро потянулась к засову. Задвинут. Она попыталась оттянуть его. Засов не поддавался. Она вцепилась в него, охваченная паникой. Руки соскальзывали.

– Нет, – пробормотала Амелия. Она в ловушке. – О господи! – Она принялась колотить в дверь. – Помогите мне! Помогите!

Шум в спальне. Амелия развернулась и метнулась в гостиную. Упала на колени перед диваном, схватила за телефон, но пальцы так дрожали, что она не смогла набрать номер. Она начала рыдать, затем обернулась со сдавленным криком. Кукла неслась на нее из коридора.

Амелия схватила с кофейного столика пепельницу и запустила ею в охотника. Она швырнула вазу, деревянную коробку, статуэтку. Но все мимо. Кукла добралась до нее и принялась колоть ножом ноги. Амелия, не разбирая дороги, попятилась назад и упала на кофейный столик. Встав на колени, она снова поднялась. Бросилась в сторону коридора, роняя на ходу мебель, чтобы задержать куклу. Перевернула стул,

стол. Схватила лампу, разбила об пол. Выскочила в коридор, развернулась, кинулась в стенной шкаф, захлопнула за собой дверь.

Онемевшие пальцы вцепились в ручку. Волны жара омывали лицо изнутри. Амелия закричала, когда нож просунулся под дверь и острый кончик впился в палец ноги. Она отшатнулась назад, не отпуская ручку. Халат распахнулся. Она ощутила, как между грудей струится кровь. От боли ноги перестали что-либо чувствовать. Она закрыла глаза. «Умоляю, кто-нибудь, помогите!»

Она похолодела, когда ручка дверцы начала поворачиваться у нее под пальцами. Не может кукла быть сильнее ее, просто не может! Амелия усилила хватку. «Умоляю!» Виском она ударилась о край чемодана, лежащего на полке.

Ее осенило. Удерживая дверцу правой рукой, она неловко вскинула левую. Замки чемодана оказались открыты. Внезапным рывком она повернула ручку и со всей силы распахнула дверь. Послышался удар о стену и об пол.

Амелия быстро стянула с полки чемодан и, откинув крышку, упала на колени, держа чемодан, словно раскрытую книгу корешком к себе. Она напрягла все свое внимание, глаза широко раскрыты, зубы стиснуты. Руки ощутили удар – кукла врезалась на бегу в дно чемодана. В тот же миг Амелия захлопнула крышку и швырнула чемодан на пол. Навалившись всем телом, она давила на крышку, пока трясущиеся пальцы не застегнули замки. Когда защелкнулся послед-

ний, она зарыдала от облегчения. Амелия оттолкнула чемодан. Он проехал по полу и стукнулся о стену. Амелия с трудом встала на ноги, стараясь не слушать безумные удары и скрежет внутри чемодана.

Она включила в прихожей свет и снова попыталась отодвинуть засов. Тот безнадежно заклинило. Амелия развернулась и пробежала через гостиную, глядя себе под ноги. Повязки на лодыжках сползли. Обе ноги были в запекшейся крови, некоторые порезы еще кровоточили. Она провела рукой по шее. Рана все еще сочилась кровью. Амелия сжала трясущиеся губы. Надо как можно скорее попасть к врачу.

Вынув из ящика кухонного стола нож для колки льда, она вернулась в прихожую. Пилящий скрежет заставил ее взглянуть на чемодан. У нее перехватило дыхание. Из бока чемодана высовывалось лезвие ножа, которое двигалось вверх-вниз, пропиливая дыру. Амелия смотрела на него не отрываясь. Ей показалось, что все ее тело превратилось в камень.

Она бросилась к чемодану и упала рядом с ним на колени, глядя в оцепенении на мелькающее лезвие. Оно было испачкано кровью. Амелия попыталась схватить его левой рукой, чтобы выдернуть. Лезвие вырвалось, ушло вниз, и она вскрикнула, отдергивая руку. На большом пальце остался глубокий порез. Кровь потекла по ладони. Амелия прижала палец к халату. Из разума будто начисто стерли все мысли.

Рывком встав на ноги, она доковыляла до двери и принялась дергать засов. Но он так и не поддавался. Большой па-

лец саднил. Она вставила нож для колки льда под засов и попыталась отжать его. Кончик ножа сломался. Амелия пошатнулась и едва не упала. Она отскочила, заливаясь слезами. Нет времени, совсем нет времени. Она в отчаянии озиралась по сторонам.

Окно! Можно ведь выбросить чемодан в окно! Она представила, как он падает в темноте. Амелия поспешно отбросила нож, повернулась к чемодану.

И застыла. Из дыры в чемодане показались голова и плечи. Амелия наблюдала, как охотник силится выскочить наружу. Она не могла пошевелиться. Дергающаяся кукла уставилась на нее. «Нет, – думала она, – это неправда». Кукла высвободила ноги и спрыгнула на пол.

Амелия отскочила в сторону и вбежала в гостиную. Правая нога угодила на осколок статуэтки. Она почувствовала, как тот глубоко впивается в плоть, и лишилась равновесия. Упав на бок, огляделась. Кукла прыжками неслась к ней. Амелия видела, как сверкает лезвие ножа. Амелия бешено дернула ногой, отшвырнув куклу назад. Задышавшись, вскочила на ноги, забежала в кухню, развернулась и начала закрывать дверь.

Что-то мешало ее закрыть. Амелии показалось, будто в голове раздался крик. Посмотрев вниз, она увидела нож и крошечную деревянную руку. Это рука куклы вклинилась между дверью и косяком! Амелия навалилась на дверь всей своей тяжестью, поражаясь той силе, с какой на дверь нажима-

ли с другой стороны. Раздался треск. Крик в голове сделался громче, он перекрывал треск ломающегося дерева.

Зазвенел упавший нож. Амелия опустилась на колени и потянула его к себе. Она взяла нож, отломанная деревянная кисть с запястьем соскользнула с рукояти. Борясь с дурнотой, Амелия с трудом поднялась на ноги и кинула нож в раковину. Дверь больно ударила ее в бок, охотник ворвался в кухню.

Амелия отпрянула от него. Схватив стул, она запустила им в куклу. Та отпрыгнула в сторону, затем обогнула упавший стул. Амелия схватила с плиты кастрюлю и швырнула ее на пол. Кастрюля с грохотом приземлилась, заливая куклу водой.

Амелия посмотрела на куклу. Та больше не наступала на нее. Охотник хотел забраться в раковину: он подпрыгивал, пытаясь схватиться за край стола одной рукой. «Он хочет получить обратно нож, — поняла она. — Он хочет добраться до своего оружия».

И вдруг она придумала, что делать. Шагнув к плите, она откинула дверцу духовки и до упора повернула газовый кран. Она услышала, как шумно вспыхнул огонь, когда разворачивалась, чтобы схватить куклу.

Амелия закричала, когда кукла начала выворачиваться и брыкаться, от бешеных рывков охотника ее мотало по всей кухне. Крик снова заполнил ее разум, и она внезапно поняла, что это кричит дух, заточенный в кукле. Она поскользнулась

и ударилась о стол, обогнула его, упала на колени рядом с духовкой и зашвырнула куклу внутрь. Захлопнула дверцу и навалилась на нее.

Дверцу едва не вынесло. Амелия давила плечом, затем спиной, уперлась ногами в стену. Она старалась не обращать внимания на то, как кукла бьется в духовке. Видно было, как алая кровь толчками вырывается из стопы. Амелия почувствовала запах горящего дерева и закрыла глаза. Дверца духовки становилась все горячее. Она осторожно пошевелилась. Грохот и толчки отдавались в ушах. Крик заполнял сознание. Она понимала, что на спине будет ожог, но не могла ослабить нажим. Запах горелого дерева сделался сильнее. Ноги ужасно болели.

Амелия взглянула на настенные часы. Без четырех минут семь. Она наблюдала, как красная секундная стрелка медленно передвигается по кругу. Прошла минута. Крик в голове постепенно затихал. Она неловко заерзала, стискивая зубы от жжения в спине.

Еще минута. Грохот и толчки прекратились. Крик становился все слабее. Запах гари наполнял кухню. По воздуху расплылся серый дым. «Вот теперь они появятся, – подумала Амелия. – Теперь, когда все кончено, кто-нибудь придет на помощь. Так всегда бывает».

Она начала понемногу отодвигаться от дверцы духовки, готовая, если что, тут же навалиться на нее снова. Амелия развернулась и встала на колени. От вони горелого дерева ее

мутило. Но она все равно должна была проверить. Протянув руку, Амелия открыла дверцу духовки.

Что-то черное и удушливое метнулось к ней, она снова услышала в голове крик, когда жар охватил ее снаружи и изнутри. Только на сей раз это был победный крик.

Амелия встала и выключила духовку. Взяла из ящика щипцы для льда и вынула почерневшую искореженную деревяшку. Кинула ее в раковину и пустила воду, дожидаясь, пока перестанет валить пар. Затем она прошла в спальню, подняла телефон и прижала рычажки. Через минуту отпустила их и набрала номер матери.

– Это Амелия, мама, – сказала она. – Прости, что я так себя вела. Я хочу встретиться с тобой сегодня. Правда, уже немного поздно. Может, ты приедешь ко мне и мы пойдем прямо отсюда? Прекрасно. Жду тебя.

Повесив трубку, она вернулась на кухню, где вынула из держателя для ножей самый длинный из них. Подошла к входной двери и отодвинула засов, который теперь двигался совершенно свободно. Она пошла с ножом в гостиную, скинула халат и протанцевала танец охотника – танец радости охоты, радости предстоящего убийства.

Затем она села в углу, скрестив ноги. Тот, Который Убивает сел в углу, скрестив ноги, дожидаясь в темноте, когда появится добыча.

Перевод Е. Королевой

Ведьмы на тропе войны

Семь хорошеньких миниатюрных девушек сидят рядком. За окном ночь, проливной дождь – самая погода для войны. В комнате уютное тепло. Семь девушек в халатиках болтают. На настенной металлической пластине значится: ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ НАВЕДЕНИЯ.

Небеса прочищают глотку раскатом грома, примеряя на бескрайние плечи и сбрасывая разветвленную молнию. Дождь заставил мир затихнуть, он гнет деревья и испещряет точками землю. Дом квадратный, приземистый, одна стена у него из пластика.

В доме щебечут семь хорошеньких миниатюрных девушек:

– Так вот, я ему говорю: «Этого мне не надо, мистер Зазнайка». А он говорит: «О, неужели?» А я ему: «Именно так!»

– Честное слово, я так буду рада, когда все это закончится. Я видела такую милую шляпку, когда ходила в последнее увольнение. О, чего бы я не отдала за нее!

– И ты тоже? Ну я даже не знаю! И волосы-то толком уложить невозможно. Только не в такую погоду. Почему нам не позволяют покончить со всем этим?

– Мужчины! Меня от них просто тошнит.

Семь пар машущих рук, семь поз, семь голосов тоненько

звонят на фоне грома. Зубы сверкают, когда девушки хохочут. Руки без устали рисуют в воздухе узоры.

Центр управления системой наведения. Девушки. Семь девушек. Хорошенькие. Нет ни одной старше шестнадцати. Кудряшки. Конские хвосты. Челки. Пухлые губки – улыбающиеся, кривящиеся, выражающие эмоцию за эмоцией. Искрящиеся молодые глаза – блестящие, подмигивающие, прищуривающиеся, холодные или теплые.

Семь здоровых молодых тел покоятся на деревянных стульях. Гладкие девичьи конечности. Девочки – хорошенькие девочки – целых семь.

Армия уродливых мешковатых мужчин, увязая в грязи, с трудом бредет по крошечно-темной грязной дороге.

Дождь льет потоками. Обрушивается как из ведра на изможденных людей. Громадные сапоги чавкают, погружаясь в жидкую желто-коричневую грязь и вытягиваясь из нее. Грязь стекает с носков и подметок.

Медленно шагающие люди – сотни людей, – промокшие насквозь, жалкие, истощенные. Молодые сгорбились, как старики. Нижние челюсти отвисли, рты хватают черный сырой воздух, языки высунуты, запавшие глаза глядят в пустоту, не выражают ничего.

Привал.

Люди валятся в грязь, падают на свои вещмешки. Головы откинута назад, рты раскрыты, дождь хлещет по желтым

зубам. Руки замерли неподвижно – жалкие кучки из кожи и костей. Ноги не движутся – обтянутые хаки деревяшки, изъеденные червями. Сотни бесполезных конечностей, прикрепленных к сотням бесполезных тел.

Позади них, впереди, по бокам рычат грузовики, танки и маленькие машинки. Толстые шины расплескивают грязь. Покрышки тонут, засосанные липкой жижей. Дождь барабанит мокрыми пальцами по металлу и брезенту.

Лампочки молний вспыхивают, но не горят. Мимолетные сполохи света. Лик войны мелькает лишь на мгновение – собранный из ржавых ружей, вращающихся колес и окаменелых лиц.

Темнота. Рука ночи закрашивает краткие проблески в буре. Погоняемый ветром дождь хлещет по полям и дорогам, сечет деревья и грузовики. Потоки пузырящейся воды оставляют на земле шрамы. Гром, молнии.

Свисток. Покойники встают. Сапоги снова чавкают по грязи – глубже, ближе, теснее. Подходят к городу, который преграждает путь к городу, который преграждает путь к...

Военный сидел в комнате для переговоров в Центре управления. Он внимательно следил за связистом, который, скорчившись над приборной панелью, с наушниками на голове, записывал сообщение.

Офицер наблюдал за связистом. «Они приближаются, – думал он. – Замерзшие, промокшие, испуганные, они идут

на нас маршем». Он передернулся и закрыл глаза.

Тут же снова открыл. Видения наполнили сузившиеся зрачки – клубящийся дым, объятые пламенем люди, непостижимые ужасы, которые воплощаются сами собой без слов и образов.

– Сэр, – произнес связист, – сообщение с наблюдательного поста. Вражеские силы на подходе.

Офицер поднялся, подошел к связисту и взял сообщение. Прочитал, и лицо его побелело, рот искривился.

– Да, – подтвердил он.

Развернулся на каблуках и пошел к двери. Открыл ее и вошел в смежную комнату. Семь девушек прекратили болтать. Комната погрузилась в тишину.

Офицер встал спиной к пластиковой стене:

– Прямо по курсу. В трех километрах отсюда. Вопросы?

Одна девушка хихикнула.

– Техника есть? – спросила другая.

– Да. Пять грузовиков, пять командирских легковушек, два танка.

– Это слишком просто, – засмеялась девушка, взбивая волосы тонкими пальцами.

– Тем не менее это все, – сказал офицер.

Он пошел к двери.

– Приступайте! – приказал он и прибавил себе под нос: – Чудовища!

Он вышел.

– О господи, – вздохнула одна из девушек, – опять все то же.

– Какая скука! – отозвалась другая.

Она раскрыла свой изящно очерченный ротик, вынула жевательную резинку и прилепила ее под сиденье своего стула.

– Хотя бы дождь перестал, – заметила рыжеволосая, затягивая шнурки на ботинках.

Семь девушек переглянулись. «Вы готовы?» – спрашивали их взгляды. «Я вроде готова». Они поудобнее устроились на сиденьях, тоненько охая и вздыхая. Обхватили ногами ножки стульев. Вся жвачка была вынута. Рты плотно сжаты чопорными складками. Хорошенькие миниатюрные девушки приготовились вступить в игру.

Наконец они совершенно замолкли. Одна из них глубоко втянула в себя воздух. То же самое сделала вторая. Все они напрягли молочно-белые тела и сжали в кулачки тонкие пальчики. Одна быстро почесала голову, чтобы не отвлекаться потом. Еще одна тихонько чихнула.

– Начали, – произнесла девушка, сидевшая в ряду справа.

Семь пар сияющих глаз закрылись. Семь невинных юных разумов принялись воображать, воплощать, передавать.

Губы превратились в бескровные ниточки, краска сбегала с лиц, тела сладострастно содрогались. Пальцы подергивались от предельной сосредоточенности, семь хороших миниатюрных девушек отправились на войну.

Мужчины переваливали через гребень холма, когда началась атака. Идущие в передних рядах, занесшие ногу для следующего шага, превратились в столбы пламени.

Они не успели даже закричать. Винтовки попадали в грязь, глаза скрылись в завесе огня. Они сделали еще несколько шагов и упали, шипящие и обугленные, в мягкую грязь.

Люди завопили. Строй нарушился. Все принялись целиться и стрелять в ночь. Еще часть войска раскалилась добела, вспыхнула и упала мертвой.

– Рассредоточиться! – прокричал командир, и тут его взметнувшиеся в воздух пальцы охватило пламя, лицо исчезло в желтых языках огня.

Люди смотрели по сторонам. Их помертвевшие, полные ужаса глаза высматривали врага. Они стреляли по лесу и полям. Они стреляли друг в друга. Они беспорядочно шлепали по грязи.

Один грузовик охватил огонь. Водитель выскочил, превращенный в двуногий факел. Грузовик еще прокатился по дороге, повернул, как безумный поскакал по полю, врезался в дерево, взорвался, и его целиком поглотило слепящее пламя. Взад-вперед на фоне занявшихся костров метались черные тени. Ночь наполняли крики.

Воин за воином вспыхивал огнем, падал лицом в грязь. Сполохи обжигающего света прорезали напитанную влажной тьмой, крики, скачущие угли, суматоха, вспышки света,

смерть, испепеленные ряды воинов, кремированные грузовики, взорванные танки.

Маленькая блондинка, ее тело напряглось от сдерживаемого волнения. Губы шевелятся, смешок застрял в горле. Ноздри раздуваются. Она содрогается от головокружительного испуга. Представляет, представляет ...

Солдат сломя голову бежит через поле, непрерывно крича, его глаза обезумели от ужаса. Громадный валун обрушивается на него с черных небес.

Его тело вжато в почву, сплющено. Из-под края валуна торчат кончики пальцев.

Валун поднимается с земли, снова ударяет, бесформенный падающий молот. Плавающий грузовик смят в лепешку. Валун снова взлетает в черное небо.

Симпатичная брюнетка, ее лицо будто пылает в лихорадке. Жуткие мысли проносятся в ее девичьем разуме. Волосы на голове встают дыбом от экзотического ужаса. Губы кривятся, обнажая сжатые зубы. Вздохи, полные ужаса, слетают с губ. Она представляет, представляет ...

Солдат падает на колени. Голова его откидывается назад. В свете от горящих товарищей он тупо таращится на белопенную волну, накатывающую на него.

Волна опрокидывает, тащит его тело по грязной земле, наполняет легкие соленой водой. Приливные волны ревут на поле, топят сотни горящих людей, подбрасывают их тела в воздух на ревущих белых барашках.

Внезапно вода перестает прибывать, разбивается на миллиарды капель и исчезает.

Прелестная рыжеволосая крошка, руки сжаты под подбородком в бескровные кулачки. Губы дрожат, восторг переполняет ее грудь. Белая шея пульсирует, она втягивает в себя воздух. Нос морщится в приступе жуткого веселья. Она представляет, представляет...

Бегущий солдат сталкивается со львом. Он не видит его в темноте. Его руки бешено колотят по косматой гриве. Он наносит удары прикладом винтовки.

Крик. Лицо полностью сорвано одним ударом когтистой лапы. Рев джунглей наполняет ночь.

Красноглазый слон неистово топает по грязи, хватая людей толстым хоботом, зашвыривает их в небо, топчет черными колоннами своих ног.

Волки выскакивают из темноты, прыгают, рвут глотки. Гориллы визжат и скачут по грязи, запрыгивают на упавших солдат.

Носорог – его грубая кожа белеет в свете живых факелов – нападает на горящий танк, кружится, ревет, обращаясь к темноте, уходит.

Клыки, когти, рвущие плоть зубы, вопли, топот, рев. С неба начинает литься поток из змей.

Тишина. Всеобъемлющее мрачное молчание. Ни ветерка, ни капли дождя, ни раската далекого грома. Битва окончена.

Серый утренний туман клубится над сгоревшими, растерзанными, захлебнувшимися, раздавленными, отравленными, раскинувшими в стороны руки и ноги мертвецами.

Неподвижные грузовики, замолкшие грузовики, струйки черного дыма все еще поднимаются от их разбитых остовов. Великая смерть зависла над полем. Очередная битва в очередной войне.

Победа – все мертвы.

Девушки томно потянулись. Они вытягивали руки и вращали круглыми плечиками. Розовые ротки широко раскрывались в милых зевках. Они поглядывали друг на друга и смущенно посмеивались. Некоторые залились краской. Несколько смотрели виновато.

Потом все вместе громко захохотали. Принялись снимать обертки с новых жвачек, доставать пудреницы из карманов, переговариваться интимным шепотом, точно девочки ночью в школьной спальне.

Приглушенные смешки разносились по теплой комнате.
– Разве мы не чудовищны? – спросила одна из них, припудривая дерзко вздернутый носик.

Потом все они спустились вниз и пошли завтракать.

Перевод Е. Королевой

Дом неземных достоинств

– От этого дворника у меня мурашки по спине, – сказала Рут, вернувшись днем домой.

Я оторвал взгляд от пишущей машинки, когда она положила пакеты на стол и посмотрела на меня. Я уничтожал второй черновик рассказа.

– От него у тебя мурашки, – повторил я.

– Да, именно, – сказала она. – От того, как он подкрадывается. Он просто какой-то Питер Лорре².

– Питер Лорре, – повторил я.

Я все еще обдумывал сюжет.

– Милый, – умоляющим тоном продолжала она, – я серьезно. Он мерзкий тип.

Я, моргая, вынырнул из сгустка творческого тумана.

– Детка, но что же бедняга может поделывать со своим лицом? – спросил я. – Наследственность. Будь к нему снисходительней.

Она плюхнулась в кресло у стола и принялась выкладывать на стол всякую бакалею, ставя банки друг на друга.

– Послушай... – произнесла она.

Я нутром чую, когда она вот-вот заведется. Этот ее убий-

² *Питер Лорре* (наст. имя Ладислав Левенштайн; 1904–1964) – киноактер, известный исполнением ролей зловещих персонажей – маньяков, садистов, сумасшедших ученых и т. п. (*Примеч. ред.*)

ственно серьезный тон, которого она даже не создает. И который, однако, появляется каждый раз, когда она готова поделиться со мной каким-нибудь из своих «откровений».

– Послушай... – повторила она. Драматический повтор.

– Да, дорогая, – отозвался я.

Я уперся локтем в крышку пишущей машинки и терпеливо смотрел на нее.

– У тебя такое лицо... – сказала она. – Вечно ты смотришь на меня как на какую-нибудь умственно отсталую или кого-то в том же роде.

Я улыбнулся. С трудом.

– Ты еще пожалеешь, – сказала она. – Однажды ночью этот тип прокрадется к нам с топором и отрубит нам головы.

– Он просто несчастный человек, который зарабатывает на жизнь как умеет, – сказал я. – Моет полы, поддерживает огонь под котлами...

– У нас отопление на мазуте, – сказала она.

– Но если бы у нас был котел, этот человек следил бы за ним, – сказал я. – Давай проявим сострадание. Он трудится, так же как и мы. Я сочиняю рассказы. Он моет полы. Кто знает, какой труд более ценен?

Она смотрела понуро.

– Ладно, – произнесла она, показывая жестом, что сдается. – Ладно, если ты не желаешь смотреть фактам в лицо.

– Каким фактам? – напирал я.

Я решил, что лучше позволить ей выговориться, пока ее

идеи не прожгли ей в мозгу дыру.

Она прищурила глаза.

– Послушай меня, – сказала она. – Этот человек находится здесь не случайно. Он вовсе не дворник. Я не удивилась бы, если...

– Если бы этот многоквартирный дом оказался просто прикрытием для тайного игорного притона. Прибежища врагов общества. Подпольного абортария. Логова фальшивомонетчиков. Явки киллеров.

Она была уже в кухне, с грохотом рассовывала жестянки и коробки по шкафам.

– Ладно, – сказала она. – Ладно. – Этаким терпеливым тоном, означающим «если тебя убьют, то мне можешь не жаловаться». – Не говори потом, что я не предупреждала тебя. Раз уж я вышла замуж за непробиваемую стену, ничего не поделаешь.

Я подошел к ней и обхватил руками за талию. Поцеловал ее в шею.

– Прекрати, – сказала она. – Ты не собьешь меня с толку. Этот дворник, он...

Она развернулась.

– Ты, видимо, серьезно? – произнес я.

Лицо ее потемнело.

– Да, дорогой, именно, – сказала она. – Этот человек очень странно на меня смотрит.

– Как?

– Ну... – Она задумалась, подыскивая слово. – С... с... предвкушением.

Я хмыкнул:

– Не могу его за это винить.

– Да будь же серьезнее.

– Помнишь тот раз, когда ты решила, будто молочник – убийца с ножом, посланный мафией? – спросил я.

– Мне плевать.

– Ты читаешь слишком много всякой ерунды, – сказал я.

– Ты еще пожалеешь.

Я снова поцеловал ее в шею.

– Давай поедим, – предложил я.

Она застонала:

– И почему я вообще что-то тебе рассказываю?

– Потому что ты меня любишь, – объяснил я.

Она закрыла глаза.

– Сдаюсь, – произнесла она спокойно, с долготерпением святого, поджаривающегося на огне.

Я поцеловал ее:

– Ну хватит, детка, у нас и без того хватает хлопот.

Она передернула плечами:

– Да, ну хорошо.

– Вот и славно, – сказал я. – В котором часу зайдут Фил с Мардж?

– В шесть, – сказала она. – Я купила свинину.

– Пожаришь?

– Мм...

– Я буду только «за».

– Ты и так уже «за».

– В таком случае возвращаюсь к своей машинке.

Пока я выжимал из себя очередную страницу, я слышал, как она разговаривает сама с собой на кухне. Всего я не разобрал. Однако сквозь бормотание время от времени всплывало мрачное пророчество: «Прирежет прямо в постели или еще что-нибудь».

– Нет, все это очень подозрительно, – заявила Рут, когда все мы тем же вечером сидели за столом.

Я улыбнулся Филу, и он улыбнулся мне в ответ.

– И я того же мнения, – согласилась Мардж. – Кто вообще когда слышал, чтобы пятикомнатная квартира с мебелью сдавалась всего за шестьдесят пять в месяц? Плита, холодильник, посудомоечная машина – просто фантастика!

– Девочки, – призвал я, – давайте не будем уходить от сути вопроса. Надо радоваться такой удаче.

– О! – Рут потрянула хорошенькой светловолосой головкой. – Если тебе кто-нибудь скажет: «Слушай, старик, вот тебе миллион долларов», ты ведь, скорее всего, возьмешь.

– Я наверняка возьму, – сказал я, – а потом побегу со всех ног.

– Какой же ты наивный! – сказала она. – Тебе кажется, что люди... люди...

– Достойны доверия, – подсказал я.

– Ты думаешь, будто каждый из них Санта-Клаус!

– Все-таки это действительно несколько странно, – встал Фил. – Подумай об этом, Рик.

Я думал об этом. Пятикомнатная квартира, новенькая, обставлена прекрасной мебелью, посуда... Я поджал губы. Можно позабыть обо всем, сидя за пишущей машинкой. Может быть, они правы. Я кивнул. Я принимал их доводы. Но разумеется, не сказал об этом вслух. Чтобы испортить мою и Рут невинную игру в войну? Ни за что.

– А мне кажется, они берут слишком дорого, – заявил я.

– О боже! – Рут приняла это за чистую монету, как и всегда. – Дорого? А пять комнат! Мебель, посуда, постельное белье... телевизор! Чего тебе еще надо – бассейн?

– Ну, может, самый маленький, – произнес я смиренным тоном.

Она посмотрела на Фила и Мардж.

– Давайте обсудим все спокойно, – предложила она. – Давайте сделаем вид, что четвертый голос, который мы слышим, – это просто ветер за окном.

– Ну вот, я ветер за окном, – сказал я.

– Послушайте, – Рут вернулась к своим предсказаниям, – а что, если это место совсем не то, чем кажется? Я имею в виду, может, им просто нужны люди для прикрытия? Это объясняло бы низкую цену. Помните, как все кинулись сюда, когда начали сдавать квартиры?

Я помнил, точно так же как и Фил с Мардж. Единственная причина, по которой мы заполучили эту квартиру, состояла в том, что мы случайно проходили мимо, когда дворник вывешивал объявление о сдаче внаем. Мы сейчас же вошли. Я помню наше изумление, наш восторг от цены. Мы решили, что настало Рождество.

Мы оказались первыми квартирантами. На следующий день дом превратился в осажденный форт Аламо³. Снять здесь квартиру было уже совсем непросто.

– В общем, есть в этом что-то странное, – завершила Рут. – Кстати, вы обратили внимание на нашего дворника?

– От него мурашки по спине, – осторожно вставил я.

– Это точно, – засмеялась Мардж. – Господи, он просто сошел с экрана. Такие глаза! Он просто вылитый Питер Лорре.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Рут.

– Детишки, – произнес я, взмахнув рукой в знак вынужденного примирения, – если что-нибудь нехорошее и происходит у нас за спиной, пусть себе происходит. Нас никто не заставляет принимать в нем участие или страдать из-за него. Мы живем в отличном месте за отличную цену. Так что же нам теперь делать – докопаться до сути и все испортить?

– А что, если это заговор против нас? – спросила Рут.

– Какой заговор, детка? – удивился я.

³ Битва за Аламо (1836) – сражение в ходе войны между Мексикой и Техасом 1835–1836 годов. (Примеч. ред.)

– Не знаю, – сказала она. – Но я чувствую что-то.

– Помнишь тот раз, когда ты чувствовала, что в ванной завелись привидения? – поинтересовался я. – Так то была мышь.

Она принялась собирать тарелки.

– Ты тоже замужем за слепцом? – спросила она Мардж.

– Все мужчины слепцы, – сказала Мардж, сопровождая мою несчастную провидицу на кухню. – С этим приходится мириться.

Мы с Филом закурили.

– Ну а теперь шутки в сторону, – сказал я так, чтобы девочки не услышали. – Как ты считаешь, здесь что-то не то?

Он пожал плечами.

– Не знаю, Рик, – сказал он. – Совершенно очевидно только одно: это чертовски странно – платить за такое жилье так мало.

– Угу.

Да, подумал я наконец всерьез.

Странно это все.

Следующим утром я остановился поболтать с нашим участковым. Джонсон пешком патрулирует окрестности. Он говорил мне, что в нашем районе имеются банды, сложная дорожная ситуация, да и за детьми необходимо приглядывать, особенно после трех часов дня.

Он славный парень, этот Джо, весельчак. Я каждый раз

останавливаюсь с ним поболтать, когда куда-нибудь выхожу.

— Моя жена подозревает, что в нашем доме происходит что-то противозаконное, — сказал я ему.

— И я подозреваю то же самое, — сказал Джонсон чертовски серьезным тоном. — Я невольно прихожу к выводу, что за этими стенами шестилеток заставляют плести корзины при свете свечей.

— Под надзором горбатой старой карги с кнутом, — добавил я.

Он печально кивнул. Потом огляделся по сторонам с заговорщическим видом.

— Но только ты никому не говори, — попросил он. — Я хочу сам раскрыть это дело.

Я похлопал его по плечу.

— Джонсон, — сказал я, — твоя тайна умрет вместе со мной.

— Я тебе так благодарен, — сказал он.

Мы засмеялись.

— Так как поживает супруга? — спросил он.

— Подозревает, — сказал я. — Любопытствует. Расследует.

— Все как всегда, — заметил он. — А значит, все в порядке.

— Точно, — сказал я. — Наверное, пора запретить ей читать журналы со всякой научной фантастикой.

— А что она подозревает? — поинтересовался он.

— Ну... — Я усмехнулся. — Это только предположение. Она считает, что рента слишком мала. Все кругом платят на двадцать — пятьдесят долларов больше, чем мы, как она утвер-

ждает.

– Это правда? – спросил Джонсон.

– Ага, – сказал я, тыча его кулаком в плечо. – Но только никому! Не хочу, чтобы об этом пронюхал арендодатель.

И я направился в магазин.

– Я так и знала, – сказала Рут. – Я знала!

Она впивалась в меня взглядом, отгородившись тазом с влажным бельем.

– Что ты знала, дорогая? – спросил я, опуская на стол пачку бумаги, за которой ходил на другой конец улицы.

– Это место просто прикрытие, – сказала она. Она взмахнула рукой. – Ничего не говори, – сказала она. – Просто послушай меня.

Я сел. Подождал немного.

– Да, дорогая, – сказал я.

– Я обнаружила в подвале машины, – сказала она.

– Какие именно машины, детка? Пожарные?

Она сжала губы.

– Ладно, хорошо, – произнесла она несколько раздраженно. – Я видела то, что можно пощупать.

Она действительно имела в виду то, что говорила.

– Но я тоже бывал в подвале, детка, – сказал я. – Как получилось, что я не видел там никаких машин?

Она огляделась по сторонам. Мне не понравилось, как она это сделала. Она озиралась так, словно действительно дума-

ла, что кто-то мог притаиться у окна, подслушивая нас.

– Потому что они под фундаментом, – сообщила она.

Я смотрел озадаченно.

Она вскочила на ноги:

– Проклятье! Пойдем, и я тебе покажу!

Она схватила меня за руку, и мы пошли по коридору к лифту. Она мрачно смотрела на меня, пока мы спускались, крепко зажав мою руку в своей.

– И когда ты их видела? – спросил я, стараясь не рассердить ее.

– Когда стирала белье в нашей прачечной в подвале, – сказала она. – То есть я имею в виду, уже в коридоре, когда несла белье обратно. Я входила в лифт и увидела дверь. Дверь была немного приоткрыта.

– И ты вошла? – спросил я.

Она посмотрела на меня.

– Да, ты вошла, – признал я.

– Я спустилась по ступенькам, и там был свет и...

– И ты увидела машины.

– Я увидела машины.

– Большие?

Лифт остановился, дверцы открылись. Мы вышли.

– Я тебе покажу какие, – сказала она.

Там была гладкая стена.

– Это здесь, – сказала она.

Я посмотрел на нее. Постучал по стене.

– Детка... – произнес я.

– Не смей ничего говорить! – отрезала она. – Ты что, никогда не слышал о дверях в стене?

– А в этой стене была дверь?

– Стена, скорее всего, выдвигается, – сказала она, принимаясь простукивать стену. По мне, так звук получался весьма солидный. – Проклятье! – произнесла она. – Я так и слышу, что ты хочешь сказать.

Я не стал этого говорить. Я просто стоял и смотрел на нее.

– Что-то потеряли?

Голос у дворника действительно был как у Лорре, тихий и вкрадчивый. Рут ахнула, застигнутая врасплох. Я и сам подпрыгнул.

– Моя жена считает, что... – начал я нервно.

– Я показывала ему, как правильно вешать картину, – поспешно перебила меня Рут. – Надо вот так, милый. – Она повернулась ко мне лицом. – Гвоздь должен входить под углом, а не прямо. Ну, теперь ты понял?

Она взяла меня за руку.

Дворник улыбнулся.

– Всего хорошего, – неловко произнес я.

Я ощущал, как он глядит нам вслед, пока мы шли обратно к лифту.

Когда дверцы захлопнулись, Рут порывисто обернулась.

– Ты что, совсем? – бушевала она. – Ты что, собирался заложить ему нас?

– Дорогая, что ты... – Я был ошарашен.

– Да ничего, – сказала она. – Там внизу машины. Громадные механизмы. Я их видела. И он о них знает.

– Детка, – сказал я, – почему бы не...

– Посмотри на меня, – приказала она поспешно.

Я посмотрел. Внимательно.

– Ты считаешь, что я сошла с ума? – спросила она. – Ну давай. Отвечай не колеблясь.

Я вздохнул.

– Мне кажется, это все твое воображение, – сказал я. – Ты все время читаешь эти...

– Тьфу! – буркнула она. Она была полна возмущения. – Ты, ты просто...

– Несносный тип, – завершил я.

– Я тебе покажу эти штуки, – пообещала она. – Мы спустимся туда сегодня ночью, когда дворник будет спать. Если он вообще когда-либо спит.

Вот тут я забеспокоился.

– Милая, прекрати, – сказал я. – Ты и меня выводишь из равновесия.

– Прекрасно, – сказала она. – Прекрасно! Я-то думала, что для этого потребуется ураган.

Весь день я просидел, глядя на пишущую машинку, и ничего не лезло в голову.

Кроме беспокойства.

Я так и не понял. Говорила ли она серьезно? Ладно, ду-

мал я, я поверю в это. Она увидела в стене открытую дверь. Случайно. Это очевидно. Если под многоквартирным домом действительно стоят какие-то огромные механизмы, как она уверяет, значит тот, кто построил дом, совершенно точно не хочет, чтобы кто-нибудь о них узнал.

Седьмая Ист-стрит. Многоквартирный дом. И под ним громадные машины.

Неужели?

– У дворника три глаза!

Она вся дрожала. Лицо у нее побелело. Она смотрела на меня, словно ребенок, который прочитал первый в своей жизни рассказ ужасов.

– Милая... – начал я.

Я заключил ее в объятия. Она была напугана до смерти. Я и сам ощутил нечто похожее на испуг. И вовсе не потому, что у дворника имеется лишний глаз.

Сначала я ничего не говорил. Что тут скажешь, когда жена прибегает к тебе и сообщает такое?

Она еще долго дрожала. Потом она заговорила, тихим голосом, испуганным голосом.

– Я знаю, – сказала она. – Ты мне не поверишь.

Я глотнул.

– Детка... – произнес я беспомощно.

– Мы пойдем вниз сегодня ночью, – сказала она. – Теперь это важно. Там происходит что-то серьезное.

– Мне кажется, нам не стоит... – начал я.

– Я все равно туда пойду, – сказала она. Теперь ее голос звучал хлестко, балансируя на грани истерики. – Я тебе говорила, что там механизмы. Черт побери, там действительно какие-то машины!

Она снова принялась плакать, ее была сильная дрожь. Я уложил ее голову себе на плечо и стал гладить по волосам.

– Ладно, детка, – приговаривал я. – Ладно.

Она пыталась рассказать что-то сквозь слезы. Но у нее не получилось. Позже, когда она успокоилась, я выслушал ее. Мне не хотелось ее расстраивать. Я решил, что самым безопасным будет дать ей выговориться.

– Я шла по коридору первого этажа, – сказала она. – Я подумала, может быть, после обеда принесут какую-нибудь почту. Ты ведь знаешь, что иногда почтальон... – Она замолчала. – Это не важно. Важно то, что случилось, когда я проходила мимо дворника.

– Что же? – спросил я, заведомо испуганный тем, что последует дальше.

– Он улыбнулся, – сказала она. – Ты знаешь, как он улыбается. Приторно и зловеще.

Я пропустил это мимо ушей. Не стал спорить по этому поводу. Я по-прежнему считал, что дворник совершенно безобидный парень, который имел несчастье родиться с лицом прямо как от Чарльза Аддамса⁴.

⁴ Чарльз Аддамс (1912–1988) – американский художник, создатель образов се-

– И что дальше? – спросил я. – Что произошло?

– Я прошла мимо него. Я чувствовала, что меня уже трясет. Потому что он смотрел на меня так, словно знал обо мне что-то такое, чего не знаю даже я сама. Мне все равно, веришь ты или нет, но именно это я и ощутила. А потом...

Она передернулась. Я взял ее за руку.

– А потом?.. – переспросил я.

– Я ощутила, что он на меня смотрит.

Я тоже ощутил это, когда мы спускались с ней в подвал. Я понял, что она имеет в виду. Ты просто чувствовал, что этот парень на тебя смотрит.

– Ладно, – сказал я. – Я все понял.

– Этого ты не поймешь, – мрачно заверила она. Она секунду посидела неподвижно, затем произнесла: – Когда я обернулась, то увидела, как он удаляется от меня.

Мне передался ее страх.

– Я не... – начал я слабо.

– Голова у него была обращена в другую сторону, но он все равно смотрел на меня!

Я сглотнул комок в горле. Я сидел, окаменев, поглаживая ее по руке и не сознавая того.

– Как это так, милая? – услышал я собственный вопрос.

– У него глаз на затылке.

– Детка... – произнес я.

Я посмотрел на нее – да-да, вынужден признать – в испуге.

Такой полет фантазии кого угодно приведет в смятение.

Она закрыла глаза. Вырвала у меня свою ладонь и сцепила руки. Поджала губы. Я увидел, как из-под ее левого века выкатилась слезинка и побежала по щеке. Она совсем побелела.

– Я видела его, – произнесла она тихо. – Господи помоги, я видела этот глаз.

Не знаю, почему я продолжал расспрашивать ее. Из мазохизма, наверное. На самом деле мне хотелось позабыть обо всем этом, сделать вид, что ничего не было.

– Но почему же мы никогда не видели его раньше, Рут? – спросил я. – Мы же видели его затылок много раз.

– Неужели? – сказала она. – Когда это?

– Милая моя, кто-нибудь должен был видеть. Ты же не считаешь, что никто и никогда не шел вслед за ним?

– У него волосы разошлись в стороны, Рик, – сказала она, – и, прежде чем я убежала, я увидела, как волосы сошлись снова, закрыв глаз так, что его стало не видно.

Я сидел молча. «Что тут скажешь?» – думал я. Что вообще можно сказать жене, когда она приходит к тебе и сообщает такое? Ты спятила? Ты сошла с ума? Или же старое доброе: ты слишком много работаешь? Вот только она не слишком много работала.

Хотя, может быть, и работала. Своим воображением.

– Так ты пойдешь со мной сегодня ночью? – спросила она.

– Хорошо, – сказал я ровно. – Хорошо, дорогая. А теперь

пойди и приляг.

– Со мной все в порядке.

– Дорогая, иди и приляг, – повторил я твердо. – Я пойду с тобой сегодня ночью. Но сейчас я хочу, чтобы ты отдохнула.

Она поднялась. Пошла в спальню, и я услышал, как скрипнули пружины кровати, когда она села, потом подтянула ноги и легла на подушку.

Чуть позже я зашел, чтобы накрыть ее одеялом. Она смотрела в потолок. Я ничего ей не сказал. Сомневаюсь, что она хотела услышать что-нибудь от меня.

– Что мне делать? – спрашивал я у Филя.

Рут спала. Я украдкой выскользнул в коридор.

– А вдруг она действительно видела? – спросил он. – Разве такого не может быть?

– Да, может, – сказал я. – Но ты знаешь, что возможно и обратное.

– Слушай, тебе надо пойти вниз и взглянуть на дворника. Надо...

– Нет, – сказал я. – Мы ничего не можем сделать.

– Так ты пойдешь с ней в подвал?

– Если она будет настаивать, – сказал я. – Если нет, то не пойду.

– Слушай, – сказал он, – когда пойдете, зайдите за нами. Я посмотрел на него с интересом.

– Ты хочешь сказать, что вас это тоже коснулось? – спро-

сил я.

Он посмотрел на меня как-то странно. Я увидел, как дернулось его горло.

– Не... не смотри так и никому не рассказывай, – сказал он.

Он огляделся по сторонам, потом снова повернулся ко мне.

– Мардж говорила то же самое, – сказал он. – Она уверяла меня, что у дворника три глаза.

После ужина я вышел купить мороженого. Джонсон как раз совершал обход.

– Ты работаешь сверхурочно, – заметил я, когда он зашагал рядом со мной.

– Есть сведения, что местные банды что-то затевают, – пояснил он.

– Никогда не видел здесь никаких банд, – отозвался я рассеянно.

– Но они есть, – заверил он.

– Гм...

– Как жена?

– Прекрасно, – соврал я.

– Она по-прежнему считает, будто дом служит прикрытием для чего-то иного? – засмеялся он.

Я сглотнул.

– Нет, – сказал я. – Я ее переубедил. Но мне кажется, она

с самого начала просто разыгрывала меня.

Он кивнул, и на углу мы расстались. По неизвестной причине у меня всю дорогу до дому дрожали руки. И еще я все время оглядывался через плечо.

– Пора, – сказала Рут.

Я застонал и перекатился на бок. Она ткнула меня локтем. Я проснулся словно в тумане и машинально взглянул на часы. Светящиеся цифры сказали мне, что сейчас почти четыре утра.

– Ты хочешь идти сейчас? – спросил я, слишком сонный, чтобы проявлять обходительность.

Последовала пауза, от которой я окончательно проснулся.

– Я иду, – произнесла она спокойно.

Я сел. Посмотрел на нее в полутьме, сердце начало колотиться и бухать как барабан. Во рту и в горле пересохло.

– Ладно, – сказал я. – Подожди, я только оденусь.

Она была уже одета. Я слышал, как она готовит на кухне кофе, пока натягивал одежду. Шума не было. Я хочу сказать, она не гремела там посудой, как если бы у нее тряслись руки. И говорила она связно. Но когда я взглянул в зеркало в ванной, то увидел в нем обеспокоенного мужа. Я умылся холодной водой и причесал волосы.

– Спасибо, – произнес я, когда она протянула мне чашку с кофе. Я стоял рядом с женой и впадал в панику на ее глазах.

Она не стала пить кофе.

– Ты проснулся? – спросила она.

Я кивнул. Увидел на кухонном столе фонарик и отвертку. Допил кофе.

– Хорошо, – сказал я. – Пошли выясним, что к чему.

Я ощутил прикосновение ее руки.

– Надеюсь, ты не... – начала она. Потом отвернулась от меня.

– Что?

– Ничего, – сказала она. – Нам пора идти.

Когда мы вышли в коридор, в доме стояла мертвая тишина. Мы были на полпути к лифту, когда я вспомнил о Филе и Мардж. Сказал ей.

– Нельзя медлить, – возразила она. – Скоро уже рассветет.

– Хотя бы подожди минутку, посмотрим, встали ли они, – предложил я.

Она ничего не сказала. Просто осталась у двери лифта, пока я ходил в другой конец коридора и тихонько стучал в дверь их квартиры. Никто не открыл. Я оглядел коридор.

Она исчезла.

Сердце у меня упало. Хотя я по-прежнему был уверен, что в подвале нет ничего опасного, меня это испугало.

– Рут, – пробормотал я, направляясь к лестнице.

– Подожди секунду! – услышал я громкий голос Фила за дверью.

– Не могу! – крикнул я в ответ, спускаясь по ступеням.

Оказавшись в подвале, я увидел открытый лифт, из кото-

рого лился поток света. Пустой.

Я огляделся вокруг в поисках выключателя, но не увидел ни одного. Пошел по темному коридору так быстро, как только мог.

– Милая! – встревоженно шептал я. – Рут, где ты?

Я обнаружил ее стоящей у двери в стене. Дверь была открыта.

– И вот теперь прекрати вести себя со мной так, словно я ненормальная, – произнесла она холодно.

Я разинул рот и ощутил, как к щеке прижалась ладонь. Моя собственная. Она была права. Там была лестница. И ярко освещенная до самого низу. Я услышал звуки. Металлическое позвякивание и странное жужжание.

Я взял ее за руку.

– Прости меня, – попросил я. – Прости.

Ее рука окаменела в моей.

– Ничего, – сказала она. – Сейчас это не важно. Во всем этом есть что-то странное.

Я кивнул.

– Потом, – сказал я, поняв, что кивка она в темноте не увидела.

– Пойдем вниз, – сказала она.

– Мне кажется, не стоит этого делать, – возразил я.

– Но мы же должны выяснить, – произнесла она таким тоном, как будто бы мы были ответственны за раскрытие этого дела.

– Но там внизу может кто-то быть, – сказал я.

– Мы только посмотрим, – сказала она.

Она потащила меня за собой. И наверное, я был слишком пристыжен, чтобы не пойти. Мы двинулись вниз. И тут меня осенило. Если она оказалась права насчет двери в стене и этих механизмов, должно быть, она права и насчет дворника, должно быть, у него в самом деле...

Я ощутил себя несколько выпавшим из реальности. Седьмая Ист-стрит, снова напомнил я себе. Многоквартирный дом на Седьмой Ист-стрит. Все настоящее.

Но я так и не смог убедить себя до конца.

Мы остановились внизу лестницы. И я молча смотрел. Механизмы, точно. Фантастические машины. И пока я смотрел на них, до меня начало доходить, что это за машины. Я и сам читал кое-что научное, но не фантастику.

У меня закружилась голова. Трудно быстро осознать подобное. Выйти из кирпичного дома и попасть в... в хранилище энергии. Я был сражен.

Не знаю, сколько мы там простояли. Но внезапно я понял, что нам надо выбираться отсюда, сообщить о происходящем.

– Идем, – сказал я.

Мы двинулись вверх по ступеням, и мой мозг сам работал как машина. Выдавая идеи, быстро и неистово. Все до единой безумные, все до единой приемлемые. Даже самые ненормальные.

И когда мы уже шли по коридору в цокольном этаже, мы

увидели, что на нас движется дворник.

Было все еще темно, хотя в окна и начал проникать первый утренний свет. Я схватил Рут за руку, и мы метнулись за каменную опору. Мы стояли, сдерживая дыхание и прислушиваясь к звуку приближающихся шагов.

Он прошел мимо нас. Он нес с собой фонарик, но не водил лучом по сторонам. Он двигался прямо к открытой двери.

И вот тогда это случилось.

Когда он вошел в пятно света, падавшее из открытой двери, он остановился. Голова его была обращена в противоположную от нас сторону. Этот парень смотрел на лестницу.

Но в то же время он смотрел на нас.

Я вообще перестал дышать. Я просто стоял и смотрел прямо в глаз у него на затылке. И хотя этот проклятый глаз был вовсе не на лице, он улыбался. Мерзкой, самоуверенной, вгоняющей в дрожь улыбкой. Он увидел нас, его это позабавило, и он не собирался ничего предпринимать в связи с этим.

Он прошел в дверь, и она захлопнулась за ним, кусок каменной стены скользнул вниз и закрыл проем.

Мы стояли на месте, дрожа.

– Ты видел, – произнесла она наконец.

– Да.

– Он знает, что мы обнаружили механизмы, – сказала она. – Однако же не собирается ничего делать.

Мы все еще разговаривали, когда лифт поднялся.

– Может быть, на самом деле нет ничего страшного, – предположил я. – Может...

Я замолчал, вспомнив те машины. Я знал, для чего они.

– Что же нам делать? – спросила она.

Я посмотрел на нее. Она была в ужасе. Я обнял ее. Но я и сам был в ужасе.

– Нам надо убираться отсюда, – сказал я. – И побыстрее.

– Но надо собрать вещи, – возразила она.

– Мы соберем, – сказал я. – Уйдем до наступления утра. Думаю, они не смогут...

– Они?

Почему я так сказал? – задумался я. Они. Да потому, что их должно быть несколько. Не приволок же дворник все эти механизмы в одиночку.

Думаю, именно третий глаз дворника вызвал к жизни мою теорию. И когда мы зашли к Филу и Мардж и они спросили у нас, что происходит, я выложил им все, что думал. Рут это не особенно поразило. Она, совершенно точно, и сама думала об этом.

– Я считаю, что наш дом – космический корабль, – сказал я.

Они уставились на меня. Фил усмехнулся, но потом перестал улыбаться, когда понял, что я не шучу.

– Что? – переспросила Мардж.

– Я понимаю, это звучит безумно, – продолжал я, сознавая, что говорю сейчас тем же тоном, каким говорила Рут. –

Но там внизу ракетные двигатели. Я понятия не имею, как они туда попали, но... — Я беспомощно развел руками перед этой теорией. — Все, что я знаю: там стоят ракетные двигатели.

— Но это же не значит, что дом — это ракета? — слабо произнес Фил, перейдя на середине фразы от утверждения к вопросу.

— Значит, — сказала Рут.

И я содрогнулся. Вопрос был решен. Она в последнее время постоянно оказывалась права.

— Но... — Мардж пожала плечами. — Зачем это?

Рут обвела нас взглядом.

— Я знаю, — заявила она.

— Зачем, детка? — спросил я, боясь услышать ответ.

— Этот дворник, — сказала она. — Он не человек. Мы же это знаем. Этот третий глаз объясняет...

— Ты хочешь сказать, что у него действительно три глаза? — с недоверием уточнил Фил.

Я кивнул:

— Да, три. Я сам видел.

— О господи, — пробормотал он.

— Но он же не человек, — продолжала настаивать на своем Рут. — Гуманоид, да, но не землянин. Он действительно может выглядеть так, как мы, за исключением третьего глаза. Но может оказаться совершенно другим, настолько другим, что ему пришлось изменить внешность. И завести себе этот

дополнительный глаз, чтобы следить за нами, когда мы о том не подозреваем.

Фил провел по волосам трясущейся рукой.

– Это же безумие, – сказал он.

– Я видел ракетные двигатели, – сказал я. – Они действительно существуют. От этого никуда не деться.

– Слушайте, – сказала Рут, – должно быть, они представители внеземной цивилизации.

– О чем ты говоришь? – раздраженно спросила Мардж.

Было видно, что она здорово напугана.

– Детка, – слабо запротестовал я, – ты читаешь слишком много фантастических журналов.

Она поджала губы.

– Не начинай все сначала, – сказала она. – Ты считал, что я ненормальная, когда я начала подозревать, что с домом что-то не так. Ты говорил то же самое, когда я рассказала тебе об этих машинах. Ты утверждал это, когда я сказала, что у дворника три глаза. И каждый раз я оказывалась права. Так что, может, уже поверишь мне?

Я заткнулся. И Рут продолжила.

– Что, если они с другой планеты? – перефразировала она для Мардж. – Предположим, им нужны люди с Земли для каких-нибудь экспериментов. Для наблюдений, – быстро исправилась она, уж не знаю ради кого.

В идее о том, что над тобой станет ставить эксперименты трехглазый дворник-пришелец, не было ничего привле-

кательного.

– Разве есть лучший способ, – продолжала Рут, – наловить людей, чем выстроить космический корабль в виде многоквартирного дома, установить низкую арендную плату и подождать, пока он быстренько набьется народом? – Она смотрела на нас, не желая отступать ни на шаг. – А затем, – сказала она, – стоит только дожждаться раннего утра, когда все крепко спят, и... прощай, Земля!

У меня голова шла кругом. Это звучало безумно, но что я мог возразить? Я трижды высказывал резонный скептицизм. Сейчас я не мог себе этого позволить. Не верить ей было рискованно. Кроме того, в глубине души я ощущал, что она права.

– Но чтобы целый дом? – произнес Фил. – Как же они смогут поднять его... в воздух?

– Если они с другой планеты, они, вероятно, опередили нас в космических технологиях на целые столетия.

Фил начал что-то возражать. Осекся, затем произнес:

– Но он же не похож на ракету.

– Дом может быть только оболочкой ракеты, – сказал я. – Наверное, так и есть. Может быть, сам корабль включает в себя только спальни. Это ведь все, что им нужно. Именно там окажутся все в ранний час, если...

– Нет, – возразила Рут. – Они не смогут отбить оболочку, не привлекая лишнего внимания.

Все мы замолчали, опутанные густыми клубами смущения.

ния и неоформившихся страхов. Неоформившихся – потому что нельзя представить, как выглядит то, о чем ты даже не подозреваешь.

– Послушайте... – сказала Рут.

И я содрогнулся. Мне хотелось сказать, чтобы она заткнулась и прекратила изливать свои жуткие пророчества. Потому что они слишком походили на правду.

– Предположим, что у нас есть дом, – сказала она. – Предположим, что он находится внутри корабля.

– Но... – Мардж была совершенно сбита с толку. И из-за этого сердилась. – Снаружи дома ничего нет, это же очевидно!

– Эти существа далеко опередили нас в научном развитии, – сказала Рут. – Может, они сумели сделать оболочку невидимой.

Мы все разом ощутили смятение.

– Детка... – сказал я.

– Это же возможно? – с напором спросила Рут.

Я вздохнул:

– Возможно. Но только возможно.

Мы помолчали. Потом Рут произнесла:

– Послушайте...

– Нет, – перебил я, – послушайте меня. Может быть, мы и несколько перегнули палку. Однако в подвале действительно есть двигатели, и у дворника действительно три глаза. На основании этого я делаю вывод, что у нас есть все причины

линять отсюда. Прямо сейчас.

Хотя бы в этом мы оказались единомышленны.

– Но мы должны сказать всем в доме, – заявила Рут. – Мы же не можем бросить их здесь.

– На это уйдет слишком много времени, – заговорила Мардж.

– Но мы должны, – сказал я. – Ты собирай вещи, детка. А я скажу остальным.

Я кинулся к двери и нажал на ручку.

Она не поддавалась.

Меня пронзил панический страх. Я снова схватился за нее и как следует подергал. На секунду я, перебарывая страх, подумал, что дверь заперта изнутри. Я проверил.

Дверь была заперта снаружи.

– В чем дело? – спросила Мардж дрожащим голосом. Было слышно, что у нее в горле рождается крик.

– Заперто, – сказал я.

Мардж ахнула. Мы переглянулись.

– Все правда, – сказала Рут, охваченная ужасом. – О господи, значит, все это правда.

Я кинулся к окну. А потом дом начал вибрировать, словно началось землетрясение. Зазвенела посуда, с грохотом падали полки. Мы слышали, как в кухне затрещал стул.

– Что происходит? – снова закричала Мардж.

Фил обнял ее, когда она начала рыдать. Рут кинулась ко мне, и мы стояли оцепенев и чувствовали, как пол вороча-

ется под ногами.

– Двигатели! – внезапно выкрикнула Рут. – Они заводят их!

– Они должны прогреться! – высказал я дикую догадку. – У нас все еще есть время, чтобы выбраться!

Я выпустил из объятий Рут и схватил стул. По неизвестной причине я знал, что окна тоже автоматически заперлись.

Я швырнул стул в окно. Вибрации становились все сильнее.

– Быстрее! – закричал я, перекрывая шум. – На пожарную лестницу! Может быть, получится!

Подгоняемые паникой и угрозой, Мардж с Филом побежали по шатающемуся полу. Я почти вытолкнул их через зияющую в окне дыру. Мардж порвала юбку. Рут порезала пальцы. Я вылезал последним, с куском стекла, кинжалом засевшим в ноге. Я был так сосредоточен, что даже ничего не почувствовал.

Я продолжал подталкивать их, погоняя вниз по пожарной лестнице. Каблук Мардж застрял между двумя железными прутьями ступени и обломился. Туфля соскочила. Мардж захромала, едва не упав на выкрашенные оранжевой краской ступени, лицо ее побелело и перекосилось от страха. Рут, в мокасынах, топала следом за Филом. Я бежал последним, бешено погоняя их перед собой.

Мы видели в окнах других людей. Мы слышали, как сверху и снизу разбиваются стекла. Видели престарелую чету,

спешно выбиравшуюся из окна и ковыляющую вниз. Они задержали нас.

– Прочь с дороги, быстрее! – в ярости закричала на них Мардж.

Они испуганно оглянулись через плечо.

Рут обернулась на меня, лицо ее совершенно побелело.

– Ты идешь? – спросила она быстро, и голос ее задрожал.

– Я здесь, – выдохнул я. Мне казалось, я вот-вот рухну на ступеньки, которым словно не было конца.

Дальше до земли спускалась отвесная лесенка. Мы увидели, как престарелая леди упала с нее с душераздирающим стуком и вскрикнула от боли, когда у нее подвернулась нога. Ее муж прыгнул следом и помог ей подняться. Здание уже вибрировало с неистовой силой. Облачка пыли вырывались из щелей между кирпичами.

Мой голос слился с хором других голосов, все выкрикивали одно и то же слово:

– Быстрее!

Я увидел, как прыгнул вниз Фил. Он поймал в объятия рыдающую от страха Мардж. Я услышал ее едва произнесенное «Слава богу!», когда она приземлилась, и они побежали по дорожке. Фил оглянулся на нас через плечо, но Мардж потащила его прочь.

– Давай я пойду первым! – быстро выкрикнул я.

Рут шагнула в сторону, я схватился за лесенку и прыгнул, ощутив острую боль в стопах и легкую – в лодыжках. Поднял

голову, протягивая к ней руки.

Человек, бежавший позади Рут, попытался оттолкнуть ее в сторону, чтобы прыгнуть самому.

– Отвали! – зарычал я, словно дикий зверь, внезапно разъярясь от страха и беспокойства. Если бы у меня было ружье, я бы тут же его застрелил.

Рут пропустила его прыгнуть первым. Он поднялся на ноги, тяжело дыша, и побежал по дорожке. Здание тряслось и подергивалось. Теперь воздух вокруг был наполнен гудением работающих двигателей.

– Рут! – крикнул я.

Она прыгнула, и я ее поймал. Мы восстановили равновесие и заковыляли по дорожке. Я с трудом дышал. В боку колело.

Когда мы выбежали на улицу, то увидели, как Джонсон прохаживается между рассыпавшимися вокруг людьми, пытаясь согнать их в одну кучу.

– Ничего страшного! – говорил он. – Не пугайтесь!

Мы подбежали к нему.

– Джонсон! – сказал я. – Корабль...

– Корабль? – Он посмотрел на меня с изумлением.

– Наш дом! Это космический корабль! Он...

Земля яростно содрогнулась.

Джонсон развернулся, чтобы перехватить кого-то, бегущего мимо. У меня прервалось дыхание, Рут, ахнув, закрыла лицо руками.

Джонсон по-прежнему глядел на нас. Своим третьим глазом. В котором застыла улыбка.

– Нет, – с трудом выговорила Рут. – Нет...

А потом небо, которое до сих пор становилось только светлее, потемнело. Я повернул голову. Женщины от страха кричали во весь голос. Я смотрел по сторонам.

Сплошные стены заслоняли небосклон.

– Боже мой, – выдохнула Рут. – Нам не спастись. Это же целый квартал.

А потом ракеты начали взлетать.

Перевод Е. Королевой

Кровный сын

Когда обитатели дома узнали о сочинении Джула, они окончательно уверились, что Джул псих.

Подозревали об этом уже довольно давно.

От его пустого пристального взгляда людей бросало в дрожь. Его сиплый гортанный голос никак не вязался с хрупким телом. Его бледная кожа пугала многих детей. Создавалось впечатление, будто бы она ему велика. Он ненавидел солнечный свет.

И мысли его казались окружающим несколько «с приветом».

Джул хотел стать вампиром.

Люди уверяли, будто знают наверняка, что он родился в ту ночь, когда буря с корнем вырывала деревья. Ходили слухи, что он родился с тремя зубами. Утверждали, будто бы этими зубами он впивался в материнскую грудь и сосал вместе с молоком кровь.

Говорили, что он часто лаял и гоготал в своей колыбельке с наступлением темноты. Говорили, что он пошел в два месяца и сидел, таращась на луну, когда она появлялась на небе.

Вот что говорили другие.

Родители вечно переживали из-за него. Единственный ребенок, так что они быстро заметили все его странности.

Они думали, что он слепой, пока врач не объяснил им, что он просто смотрит мимо предметов. Он сказал им, что Джул, при такой огромной голове, может оказаться гением или же идиотом. Выяснилось, что он идиот.

Он не произносил ни слова до пяти лет. После чего однажды вечером он пришел к ужину, сел за стол и произнес: «Смерть».

Его родители не знали, что испытывать: восторг или ужас. В итоге они нашли золотую середину между двумя эмоциями. Они решили, что Джул не понимает значения этого слова.

Но Джул прекрасно понимал.

Начиная с того вечера у него накопился такой обширный лексикон, что все знавшие его были ошеломлены. Он не только запоминал любое сказанное ему слово, слова с вывесок, из журналов и книг – он придумывал свои собственные слова.

Такие, как сумракасение. Или гибелюбовь. Конечно, это были просто пары слов, слитые воедино. Они обозначали явления, которые Джул понимал, но не мог выразить обычными словами.

Он часто сидел на крыльце, пока остальные дети играли в классики, мячик и другие игры. Он сидел там и пристально глядел в переулок, придумывая слова.

До двенадцати лет Джул почти не попадал в неприятные истории.

Правда, однажды его застукали за тем, что он раздевал в переулке Олив Джоунз. А еще раз его поймали за вскрытием котенка прямо на кровати.

Но эти случаи разделял промежуток в несколько лет. Те скандалы позабылись.

В общем и целом он пережил детство, не вызывая в людях особого отвращения.

Он ходил в школу, но ничему не учился. Он сидел по два-три года в каждом классе. Все учителя знали его по имени. На некоторых уроках, таких как чтение и письмо, он блистал.

На других – был безнадёжен.

В одну субботу, когда ему исполнилось двенадцать, Джул отправился в кино. Он смотрел «Дракулу».

Когда сеанс закончился, он прошел, дрожащий комок нервов, мимо других мальчиков и девочек.

Он пришел домой и на два часа заперся в ванной комнате.

Родители колотили в дверь и угрожали, но он так и не вышел.

В итоге он отпер дверь и сел за стол ужинать. Палец у него был перевязан, а по лицу растекалось довольное выражение.

На следующее утро он отправился в библиотеку. Это было воскресенье. Он весь день просидел на ступеньках, дожидаясь, пока библиотека откроется. В конце концов он вернулся домой.

На следующее утро он снова пришел сюда, вместо того чтобы пойти в школу.

Он обнаружил на полке «Дракулу». Он не имел права взять книгу, потому что не был записан в библиотеку, а чтобы записаться, требовалось привести кого-нибудь из родителей.

Поэтому он сунул книгу за пояс брюк, вышел из библиотеки и так и не вернул книгу.

Он направился в парк, сел там и прочитал книгу от корки до корки. Был уже поздний вечер, когда он закончил.

После чего начал сначала, переходя от одного уличного фонаря к другому, и читал всю дорогу домой.

Он не услышал ни слова, пока его бранили за то, что он пропустил обед и ужин. Он поел, ушел в свою комнату и читал книгу, пока не дочитал до конца. Его спросили, где он взял книгу. Он сказал, что нашел ее.

Шли дни, а Джул все перечитывал и перечитывал «Дракулу». Он так и не пошел в школу.

Поздно ночью, когда сон все-таки брал над ним верх, мать приносила книгу в гостиную показать отцу.

Однажды они заметили, что Джул подчеркивает некоторые места неровными карандашными линиями.

Например: «Ее губы были багровыми от свежей крови, тонкая струйка стекала с подбородка, марая белоснежный батистовый саван».

Или: «Когда кровь брызнула, он крепко сжал обе мои ладони своей рукой, а свободной схватил меня за шею и при-

жал мой рот к ране...»⁵

Когда мать увидела это, она вышвырнула книгу в мусоропровод.

На следующее утро, обнаружив пропажу, Джул визжал и выкручивал матери руку, пока она не сказала ему, где книга.

Тогда он кинулся в подвал и принялся рыться в грудах мусора, пока ее не нашел.

С кофейной гущей и яичными скорлупками, приставшими к рукам, он отправился в парк и еще раз прочитал книгу.

Он перечитывал ее целый месяц. После чего изучил так хорошо, что выбросил, потому что знал ее теперь наизусть.

Из школы приходили сообщения о прогулах. Мать ругалась. Джул решил на время вернуться туда.

Он хотел написать сочинение.

И в один прекрасный день написал его в классе. Когда все закончили писать, учительница спросила, не хочет ли кто-нибудь прочитать свое сочинение перед классом.

Джул поднял руку.

Учительница удивилась. Однако отнеслась благожелательно. Ей хотелось подбодрить его. Она указала на него своим крошечным подбородком и улыбнулась.

– Прекрасно, – произнесла она. – Слушаем внимательно, дети. Джул сейчас прочитает нам свое сочинение.

Джул встал. Он был взволнован. Тетрадь дрожала у него в руке.

⁵ Отрывки из глав 16 и 22. (Примеч. ред.)

– «О чем я мечтаю», сочинение...

– Выйди к доске, Джул, детка.

Джул вышел к доске. Учительница ласково улыбнулась.

Джул начал снова:

– «О чем я мечтаю», сочинение Джула Дракулы.

Улыбка померкла.

– Когда я вырасту, я хочу стать вампиром.

Уголки губ учительницы опустились, рот приоткрылся.

Глаза расширились.

– Я хочу жить вечно, расквитаться со всеми и сделать всех девчонок вампиршами. Я хочу вдыхать запах смерти.

– Джул!

– Я хочу выдыхать смрад мертвой земли, склепа и гниющих гробов.

Учительница содрогнулась. Она вцепилась руками в зеленый классный журнал. Ей было трудно поверить своим ушам. Она посмотрела на детей. Те сидели с разинутым ртом. Некоторые хихикали. Но только не девочки.

– Я хочу, чтобы моя плоть была гнилой и холодной, а по венам струилась кровь других людей.

– Этого... кхе-кхе, гм!

Учительница громогласно откашлялась.

– Этого хватит, Джул, – сказала она.

Джул принялся читать громче и отчаяннее:

– Я хочу погружать свои жуткие белые клыки в чужую плоть. Я хочу, чтобы они...

– Джул! Немедленно сядь на место!

– Я хочу, чтобы они, словно лезвия, взрезали кожу и проникали до вен, – неистово продолжал Джул.

Учительница вскочила на ноги. Детей трясло от ужаса. Никто уже не смеялся.

– Тогда я вытащу клыки и позволю крови литься потоком мне в рот, жаркими струями стекать по глотке и...

Учительница схватила его за руку. Джул вырвался и убежал в угол. Отгородившись стулом, он вопил:

– И я высуну язык и прильну губами к горлу своей жертвы! Я хочу пить кровь девочек!

Учительница кинулась на него. Она вытащила его из угла. Он царапался и завывал всю дорогу до двери, а потом до кабинета директора:

– Вот о чем я мечтаю! Вот о чем я мечтаю! *Vom* о чем я мечтаю!

Это было жутко.

Джула заперли в его комнате. Учительница с директором сидели вместе с родителями Джула. Они говорили траурными голосами.

Они пересказывали случившееся.

Все родители в доме обсуждали это. Многие из них сначала не поверили. Они решили, что их дети все выдумали.

Потом подумали, каких же чудовищных детей вырастили, если они выдумывают такое.

В общем, они наконец поверили.

После чего все вокруг ястребами высматривали Джула. Люди избегали его прикосновения или взгляда. Родители забирали детей с улицы, когда он приближался. Все рассказывали о нем небылицы.

Снова начали приходить записки о его прогулах.

Джул сказал матери, что больше не станет ходить в школу. Ничто не могло заставить его переменить решение. Он туда не пойдет.

Когда за ним пришел школьный надзиратель, занимавшийся прогульщиками, Джул бежал по крышам, пока не ушел от дома достаточно далеко.

Год протащился без толку.

Джул слонялся по улицам, выискивая что-то, он сам не знал что. Он заглядывал в переулки. Он заглядывал в мусорные бачки. Он заглядывал на стоянки. Он заглядывал в богатые районы, и в бедные, и в районы между ними.

Он не мог найти того, чего хотел.

Он редко спал. Он совсем не разговаривал. Он все время смотрел в землю. Он забыл придуманные им словечки.

И вот.

В один прекрасный день Джул брел через зоопарк.

Словно электрический разряд пробежал по телу, когда он увидел летучую мышь – вампира.

Глаза его расширились, а бесцветные зубы тускло блеснули в широкой усмешке.

И начиная с того момента Джул каждый день ходил в зоо-

парк и смотрел на летучую мышь. Он разговаривал с ней и называл ее Графом. Он чувствовал в глубине души, что это на самом деле человек, превратившийся в мышь.

Его снова охватила жажда к самообразованию.

Он украл из библиотеки еще одну книгу. О жизни животных.

Он нашел страницу с летучей мышью – вампиром. Вырвал ее, а книгу выбросил.

Он заучил этот раздел наизусть.

Он знал, как мышь прокусывает ранку. Как она слизывает кровь, словно котенок, лакающий сливки. Как она ходит на сложенных крыльях и задних лапах, словно черный, покрытый шерстью паук. Почему она не питается ничем, кроме крови.

Месяц за месяцем Джул смотрел на летучую мышь и разговаривал с ней. Это стало его единственным утешением в жизни. Единственным символом воплощенной мечты.

Как-то раз Джул заметил, что проволочная сетка снизу клетки отходит.

Он огляделся по сторонам, его черные глаза забежали. Он не заметил, чтобы кто-нибудь смотрел на него. День был пасмурный. Людей вокруг было немного.

Джул потянул сетку на себя.

Она немного подалась.

Потом он увидел, как из домика с вольерами для обезьян

выходит служитель. Так что он убрал руки и пошел прочь, насвистывая только что придуманный мотив.

Поздно ночью, когда предполагалось, что он уже спит, он босиком прошел через комнату родителей. Слышно было, как похрапывают отец и мать. Он поспешно выскочил из комнаты, надел ботинки и побежал в зоопарк.

Каждый раз, когда ночной сторож уходил подальше, Джул оттягивал проволочную сетку.

Он тянул ее, пока не оторвал.

Когда он закончил и ему было пора возвращаться домой, он приставил сетку на место. Чтобы никто не заметил.

Весь день Джул стоял перед клеткой, смотрел на Графа, посмеивался и говорил ему, что скоро тот снова окажется на свободе.

Он пересказывал Графу все, что изучил. Он сказал ему, что хочет попробовать спускаться по стенам вниз головой.

Он уговаривал Графа не переживать. Скоро тот выйдет на свободу. И тогда вместе они будут бродить по округе и пить кровь девчонок.

А ночью Джул отодвинул сетку и забрался внутрь.

Было очень темно.

Он опустился на колени перед маленьким деревянным домиком, прислушиваясь в надежде уловить писк Графа.

Джул сунул руку в черный провал двери. Он все время шептал что-то.

Подскочил, когда почувствовал, будто в его палец впились

иголки.

С выражением крайнего удовольствия на худом лице Джул вытянул трепещущий шерстяной комок наружу.

Он выбрался из клетки с мышью в руке и побежал прочь из зоопарка. Он мчался по молчаливым улицам.

Время шло к рассвету. Черные небеса начали сереть. Он не мог вернуться домой. Ему надо было найти себе место.

Он прошел по переулку и перелез через забор. Он крепко держал мышь. Она прильнула к струйке крови, текущей из его пальца.

Джул прошел через двор и вошел в маленький заброшенный домик.

Внутри было темно и сыро. Дом был забит мусором, жестяными банками, промокшими картонками и испражнениями.

Джул решил, что отсюда мыши не сбежать.

Тогда он плотно прикрыл дверь и закрыл на щеколду.

Он чувствовал, как сильно бьется сердце и дрожат конечности. Он отпустил летучую мышь. Та улетела в темный угол и вцепилась в деревянную стену.

Джул судорожно сорвал с себя рубаху. Губы его дрожали. На его лице горела улыбка безумца.

Он сунул руку в карман брюк и вытащил маленький перочинный ножик, который похитил у матери.

Раскрыл лезвие и провел по нему пальцем. Нож прорезал кожу.

Дрожащей рукой он вцепился себе в горло. Полоснул по шее ножом. Кровь потекла по пальцам.

– Граф, Граф! – кричал он в безумном восторге. – Пей мою алую кровь! Пей меня! Пей меня!

Спотыкаясь о консервные жестянки, поскользываясь, он двинулся к мыши. Мышь слетела со стены, метнулась через комнату и вцепилась в противоположную стену.

Слезы потекли по щекам Джула.

Он заскрежетал зубами. Кровь текла по его плечам и по впалой безволосой груди.

Все тело лихорадочно подергивалось. Он шагнул к противоположной стене. Оступился и упал, распоров бок об острый край жестяной банки.

Руки его взметнулись. Он схватил летучую мышь. Приложил ее к своему горлу. Опустился спиной на холодный сырой пол. Вздохнул.

Принялся стонать и хвататься за грудь. Содержимое желудка подступало к горлу. Черная мышь у него на шее беззвучно слизывала его кровь.

Джул ощутил, как жизнь вытекает из него.

Он подумал обо всех прошедших годах. Об ожидании. О своих родителях. О школе. Дракуле. Мечтах. Об этом. Этом неожиданном счастье.

Глаза Джула резко распахнулись.

Зловонная комната поплыла вокруг него.

Он с трудом дышал. Он раскрыл рот, чтобы глотнуть воз-

духа. Он втянул его в себя. Воздух был полон смрада. Он закашлялся. Тощее тело содрогалось на холодном полу.

Языки тумана покидали его сознание.

Выплывали один за другим, похожие на шелковые вуали.

Внезапно его разум заполнила ужасающая ясность.

Он ощутил пронзительную боль в боку.

Он осознал, что лежит, полуобнаженный, среди мусора и позволяет летучей мыши пить свою кровь.

Со сдавленным криком он протянул руку и оторвал от себя меховой комок. Отшвырнул от себя. Мышь вернулась, овеяв ему лицо хлопающими крыльями.

Джул с усилием поднялся на ноги.

Двинулся к двери. Он едва видел. Он пытался остановить кровотечение из горла.

Ему удалось распахнуть дверь.

После чего, вырвавшись на темный двор, он упал лицом в высокую траву.

Он пытался позвать на помощь.

Но ни звука, если не считать бессмысленного бульканья, не сорвалось с его губ.

Он слышал хлопанье крыльев.

После чего внезапно все затихло.

Сильные пальцы осторожно подняли его с земли. Умиравший взгляд Джула различил высокого черноволосого мужчину, глаза которого сверкали, словно рубины.

– Сын мой, – произнес мужчина.

Перевод Е. Королевой

Кто хочет, тот добьется (В соавторстве с Ричардом Кристианом Матесоном)

Он проснулся.

Было темно и холодно. И тихо.

«Хочу пить», – подумал он. Зевнул, попытался сесть, но тут же взвыл от боли, ударившись обо что-то головой. Потерушенный лоб, и боль перебралась дальше к затылку.

Тогда он повторил попытку сесть, но уже медленно – и снова ударился головой. Похоже, его зажали между матрасом и чем-то наверху. Он поднял руку и потрогал преграду. Мягкая и податливая, она проминалась под пальцами. Он провел по ней рукой, но так и не дотянулся до того места, где она заканчивалась. Он нервно сглотнул и вздрогнул.

Во имя всего святого, что это значит?

Он попробовал перекатиться на левый бок и охнул – и здесь его остановила преграда. С беспокойно бьющимся сердцем он попытался перекатиться вправо, но и там было то же самое. Стало быть, его обложили со всех четырех сторон. Сердце сжалось, словно раздавленная металлическая банка, кровь побежала по венам в сто раз быстрее.

В следующий миг он понял, что лежит в одежде. На нем были брюки, пиджак, рубашка, галстук и ремень. И ботинки

на ногах.

Он засунул руку в карман брюк, нащупал холодную металлическую коробочку и поднес к лицу. Откинул крышку и крутанул колесико большим пальцем. Ворох искр, но ни следа пламени. Еще одна попытка, и огонек все же загорелся.

Он снова вздрогнул, заметив апельсиновый оттенок своей кожи. Потом рассмотрел в свете пламени то, что его окружало.

И едва не закричал от увиденного.

Он лежал в гробу.

Зажигалка выпала из руки; пламя прочертило желтую полосу в воздухе и погасло. Он снова оказался в полной темноте, ничего не видел и слышал только собственное испуганное дыхание, с шумом вырывающееся из горла.

Давно он здесь лежит? Несколько минут? Часов? Дней?

Мелькнула надежда, что это всего лишь ночной кошмар, что его сознание застряло в каком-то извращенном сне. Но он и сам понимал: это неправда. Понимал, с пугающей ясностью, что произошло на самом деле.

Его поместили туда, куда он больше всего боялся попасть. Он совершил фатальную ошибку, рассказав об этом. Они не смогли бы придумать для него лучшую пытку. Даже если бы думали сто лет.

Господи, неужели они до такой степени его ненавидели? Ненавидели настолько, что решились на такое.

Он задрожал от ощущения беспомощности, но быстро взял себя в руки. Ничего у них не выйдет. Он не позволит внезапно отнять у себя жизнь и дело всей жизни. Нет, будь они все прокляты, не позволит!

Он нашарил зажигалку. Это была ошибка с их стороны. Глупые ублюдки. Они, вероятно, решили, что это будет удачная прощальная шутка: выгравировать золотом на зажигалке слова благодарности за то, что он сделал фирму такой, какая она есть. Там было сказано: «Дорогому Чарли. Кто хочет, тот добьется...»

«Вот именно», – пробормотал он. Эти паршивые ублюдки не справятся с ним. Не смогут убить его и отобрать фирму, которую он основал и тащил на себе, пока не добился успеха.

Сам добился.

Он сжал зажигалку в кулаке так, что костяшки пальцев наверняка побелели, и поднес к груди, все еще ходившей ходунком от волнения. Колесико проскрежетало по кремню. Пламя моргнуло, и он задержал дыхание, стараясь определить, много ли свободного пространства в его гробу.

По дюйму с каждой стороны.

Надолго ли хватит воздуха в такой тесной коробке? Он захлопнул крышку зажигалки. «Не свети больше, – приказал он себе. – Можно справиться и в темноте».

Он уперся руками в крышку гроба и, напрягая все силы, попытался приподнять ее. Она не сдвинулась с места. Он сцепил пальцы обеих рук в один кулак и бил по крышке до

тех пор, пока волосы не взмокли от пота.

Из левого кармана брюк он достал связку ключей на цепочке. Ключи ему тоже оставили. Тупые уроды. Неужели они думали, что он настолько перепугается, что будет не в состоянии размышлять? Вероятно, им показалось, что это еще одна забавная шутка – этаким способом окончательно вычеркнуть его из жизни. Ключи от автомобиля и кабинета ему больше не понадобятся, так почему бы не положить их в гроб вместе с ним.

«А вот и нет», – подумал он. Ключи ему еще пригодятся.

Он поднес связку к лицу и принялся пилить обивку крышки острым краем ключа. Прорезав дырку, он ухватился за край ткани и тянул до тех пор, пока она не затрещала и не сорвалась с гвоздей. Он торопливо разрывал мягкую обивку на куски и складывал их рядом с собой, стараясь дышать не очень глубоко. Воздух приходилось экономить.

Он щелкнул зажигалкой, осветил расчищенную поверхность, постучал по ней костяшками свободной руки и вздохнул с облегчением. Крышка была дубовой, а не металлической. Еще одна их ошибка. Он презрительно усмехнулся. Неудивительно, что он всегда и во всем был на голову выше их.

«Тупые уроды», – пробормотал он, разглядывая крепкую древесину. Зажав ключи вместе, он начал скоблить зазубренными краями дубовую доску. Пламя зажигалки вздрагивало и гасло, когда на него сыпались опилки. Он снова и сно-

ва крутил колесико, продолжая работать, пока руки совсем не онемели. Опасаясь израсходовать весь воздух, он погасил огонь и снова принялся скоблить крышку, осыпая опилками шею и подбородок.

Рука заболела еще больше.

Он выбился из сил. Опилки сыпались уже не так обильно. Положив ключи на грудь, он снова щелкнул зажигалкой и увидел, что выдолбил лишь узкую канавку всего в несколько дюймов длиной. «Этого мало, – подумал он. – Слишком мало».

Он резко опустил голову и хотел было глубоко вздохнуть, но сдержался. Воздух стал совсем спертый. Он снова ударил кулаком по крышке.

«Откройся, черт тебя побери! – крикнул он, и на шее от напряжения вздулись вены. – Откройся и выпусти меня отсюда!»

Если не придумать что-то еще, он погибнет.

И значит, они добьются своего.

Его лицо застыло в напряжении. Он никогда не сдавался. Ни разу в жизни. Ничего у них не выйдет. Если он что-то решил, его уже не остановить.

Он покажет этим ублюдкам, что такое сила духа.

Взяв зажигалку в правую руку, он несколько раз крутанул колесико. Пламя, словно вымпел, затрепетало перед глазами. Поддерживая левой рукой правую, он направил огонь на проскобленную в крышке гроба канавку.

Он старался не вдыхать глубоко, запах газа и паленой шерсти заполнил все вокруг. На крышке появились пятнышки крохотных искр. Несколько секунд он держал огонь на одном месте, а затем передвигал. Дерево начало слабо потрескивать.

Внезапно деревянная поверхность вспыхнула, от нее повалил липкий серый дым. Он закашлялся, дышать стало тяжелей, воздуха оставалось все меньше. Его словно бы засунули в горизонтальную печную трубу. Он был на грани обморока, а тело начало терять чувствительность.

В отчаянии он стал дергать на себе рубашку, так что пуговицы разлетелись во все стороны. Оторвав кусок ткани, он обмотал ею ладонь и запястье. Часть крышки обуглилась и стала хрупкой. Он ударил замотанным кулаком в дымящуюся доску, и тлеющие угли посыпались на лицо и шею. Он захлопал руками, пытаясь затушить угли, но они все же успели обжечь кожу на груди и ладонях. Он вскрикнул от боли.

Часть крышки превратилась в пылающие головешки, лицо окатило жаром. Он попытался отвернуться, спасаясь от падающих углей. Теперь он мог дышать только удушливым дымом, заполнившим весь гроб. Пепел оседал на губах и забивался в нос. Кашель обдирает горло. Он снова ударил по крышке замотанным в обрывок рубашки кулаком. «Ну давай же! – повторял он. – Давай!»

«Давай!» – крикнул он еще раз, и часть крышки обрушилась на него. Он отчаянно хлопал ладонями по лицу, шее и

груди, горячие угли жалили кожу, но ему пришлось терпеть до тех пор, пока все они не погасли.

Он почувствовал новый странный запах, отыскал зажигалку и щелкнул ею.

И вздрогнул от того, что увидел перед собой.

Над ним нависла влажная, увитая корнями, плотно слежавшаяся земля.

Он провел по ней пальцами. В мерцающем свете зажигалки различил прячущихся насекомых и белых земляных червей, висевших в каких-то дюймах от его лица. Он вжался в днище гроба, стараясь отодвинуть лицо как можно дальше от этих извивающихся тварей.

Какая-то личинка упала прямо ему на лицо, ее мягкая желеобразная оболочка прилипла к верхней губе. Содрогнувшись от отвращения, он вытянул руки вверх и впился ногтями в землю. Отчаянно потрянув головой, сбросил личинку и продолжил вгрызаться в грунт. Грязь затекала в нос, и он с трудом мог вдохнуть. Земля сыпалась на губы и сползала в рот. Он плотно закрыл глаза, но все равно чувствовал, как она скапливается на крышке. Задержав дыхание, он обе руки погрузил в почву, разгребая ее, словно обезумевшая землеройная машина. Земля начала заполнять гроб, и он с каждым движением приподнимал тело чуть выше. Легким мучительно не хватало воздуха. Он не решался открыть глаза. Кожа на пальцах содралась в кровь, ногти выгнулись назад и сломались. Он не обращал внимания на боль и текущую

кровь, но земля была липкой от крови. Боль в руках и легких с каждой секундой усиливалась, пока не заполнила собой все тело. Он продолжал подниматься, подтягивая колени к груди, скорчившись и прикрывая голову локтями. Земля начала понемногу поддаваться под каждым его отчаянным скребком. «Не останавливайся, – приказал он себе. – Только не останавливайся». Нет, он не утратит контроль над собой, не останется умирать в этой земле. Он так стиснул зубы, что едва не сломал их. «Не останавливайся, – думал он. – Ни в коем случае не останавливайся». Он пробивался вперед вся яростней, земля непрерывным потоком сыпалась на волосы и плечи. Грязь окружала его со всех сторон. Легкие готовы были разорваться. Казалось, прошла не одна минута с тех пор, как он вдохнул в последний раз. Он хотел закричать от безысходности, но воздуха не хватало даже на это. Содранные до мяса и оголенных нервов пальцы невыносимо жгло. В приоткрытый от боли рот тут же набилась земля, покрыв грязной слизью язык и спускаясь к горлу. Сработал рвотный рефлекс, изо рта потекла блевотина, смешанная с землей. В голове не осталось никаких мыслей, он вдохнул больше грязи, чем воздуха, и теперь умирал от удушья. Грязь уже пробралась в дыхательные пути, а сердце забилось вдвое быстрее. «Я проиграл», – обреченно подумал он.

Внезапно палец пробил корку земли. Он машинально заскреб ладонью по поверхности, словно расчищал ее лопатой. Кулак как сумасшедший ударял в землю, пока отверстие не

расширилось. Он так наглотался земли, что грудь едва не раскололась пополам.

Наконец его руки выбрались из могилы, а через несколько секунд он вылез на поверхность по пояс. Затем, вцепившись окровавленными пальцами в землю, вытащил и ноги. Он лежал на земле, пытаясь сделать хоть один вдох. Но набившаяся в рот и в горло грязь не пропускала воздух. Он извивался на земле, перекатываясь с боку на бок, пока не встал на колени и не выблевал всю грязь из дыхательных путей. Черная слюна сбегала по подбородку, а он все еще выплевывал покрытые слизью комки земли. Он уже начал задыхаться, когда прохладный воздух наполнил его тело жизнью.

«Я победил, – подумал он. – Победил этих ублюдков!» Он торжествующе рассмеялся, открыл глаза и осмотрелся, вытирая покрытые кровью губы. Где-то шумели машины, два луча ослепительно-яркого света – слева и справа – пересеклись на его лице. Он поморщился, на мгновение ошеломленный светом, а затем понял, где находится.

Кладбище возле шоссе.

Мимо с ревом проносились грузовики, шуршали шины. Вокруг кипела жизнь, и он вздохнул с облегчением. Мрачная усмешка показалась на его губах.

Посмотрев направо, в сотне ярдов дальше по шоссе он увидел на высоком столбе знак бензоколонки.

Он поднялся на ноги и побежал, обдумывая на ходу план действий. Он зайдет на станцию, вымоет лицо и руки в туа-

лете, затем одолжит у кого-нибудь десятицентовик и позвонит в фирму, чтобы за ним прислали лимузин. Нет, лучше на такси. Так он сможет одурачить этих ублюдков, заставить их врасплох. Они наверняка думают, что он давно умер. Что ж, он разберется с ними. «Никто не остановит тебя, если ты по-настоящему чего-то хочешь», – подумал он и оглянулся на могилу, из которой только что выбрался.

Через заднюю дверь он вошел на станцию и сразу направился в туалет. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его грязным и перепачканным в крови.

В туалете стоял телефон-автомат. Он закрыл дверь и полез в карман за мелочью. Два пенса с четвертью. Опустив серебряную монетку в автомат, он удивился тому, что они даже снабдили его деньгами. Тупые уроды.

Он набрал номер жены.

Она сняла трубку. Он рассказал, что с ним произошло, и тут она закричала. Кричала она долго. «Какая омерзительная шутка! – сказала она наконец. – Кто бы ни придумал эту шутку, она все равно омерзительная». Она повесила трубку, и он не успел ее остановить. Тогда он тоже повесил трубку и повернулся к зеркалу.

И не смог даже закричать. Просто стоял и молча смотрел.

Из зеркала на него уставилось изуродованное лицо, лишенное части плоти. Из серой высохшей кожи выступала желтая кость.

Он вспомнил, что еще сказала жена, и завыл. Потрясение

сменилось безнадежным фатализмом.

«Семь месяцев прошло», – сказала она.

Семь месяцев!

Он снова посмотрел на себя в зеркало и понял: ему некуда идти. Он не находил никакого выхода.

В голове билась единственная мысль – та самая, что уже была выгравирована на его зажигалке...

Перевод С. Удалина

Только для тех, кто скоро умрет

Кирпичное здание кафе с деревянным навесом стояло на самом краю городка. Сначала они проехали мимо и направились в знойное марево пустыни.

И тут Боб сказал:

– Наверное, нужно было остановиться. Одному Богу известно, когда нам попадетсЯ следующее.

– Пожалуй, да, – без особого энтузиазма согласилась Джин.

– Я понимаю, это какой-нибудь гадючник, но нам нужно перекусить. Мы завтракали пять часов назад.

– Э-э... ну хорошо.

Боб остановился на обочине и оглянулся. На шоссе больше не было ни одной машины. Он быстро развернул свой «форд», подкатил к кафе и остановился.

– Умираю от голода, – заявил он.

– Я тоже, – ответила Джин. – И вчера вечером тоже чуть не умерла, дожидаясь, пока официантка принесет ужин.

– Что тут поделаешь? – Боб пожал плечами. – Разве будет лучше, если мы все-таки умрем от голода и в пустыне найдут наши побелевшие кости?

– Побелевшие кости, – повторила она за ним, недовольно скривившись.

Едва они вышли из автомобиля и оказались на солнце, как на них нахлынула жара. Горячая земля жгла ноги даже через сандалии.

– Боже, как жарко, – сказала Джин, а Боб хмыкнул в ответ.

Низенькая дверца заскрипела, открываясь, а потом громко хлопнула за спиной. Они оказались в душном помещении, пропахшем жиром и горячей пылью.

– Добро пожаловать в «Риц-Карлтон», – шепнул Боб на ухо Джин.

– Ха-ха, – отчетливо проговорила она.

Все трое мужчин, что были в кафе, устали на вошедших. Первый, в комбинезоне и грязной кепке, развалился на диванчике и пил пиво. Второй сидел на барном стуле с сэндвичем в руке, перед ним стояла бутылка пива. Третий смотрел на вошедших из-за стойки, опустив газету. Он был в рубашке с коротким рукавом и в мятых белых брюках.

Они подошли к стойке и сели. Все трое по-прежнему смотрели на них.

– Наше появление стало событием в этом городе, – тихо сказал Боб.

– Конечно, мы ведь знаменитости, – поддакнула Джин.

Мужчина в белых брюках достал из-за грязной салфетницы меню и подтолкнул к ним. Боб открыл меню и вместе с Джин принялся изучать.

– У вас есть чай со льдом? – спросил Боб.

Бармен покачал головой. Они снова посмотрели в меню.

– А что-нибудь холодное вообще есть?

– Апельсиновый сок и «Доктор Пеппер», – скучающим тоном ответил бармен.

Боб откашлялся:

– Вы не могли бы дать нам воды, пока мы заказываем?

Видите ли, мы...

Бармен развернулся, подошел к мойке, наполнил из-под крана два мутных стакана и поставил их на стойку, слегка расплескав воду. Джин взяла стакан, отпила и чуть не выплюнула обратно – вода оказалась теплой и солоноватой. Джин поставила стакан на место.

– Неужели нельзя было ее хотя бы чуть-чуть охладить?

– Здесь пустыня, мэм, – ответил бармен. – Хорошо, что у нас вообще есть вода.

Ему было чуть больше пятидесяти, жидкие седые волосы он расчесывал на прямой пробор. Руки покрывали мелкие черные завитки, а на правом мизинце блестело кольцо с красным камнем. В ожидании заказа бармен равнодушно уставился на приезжих.

– Мне, пожалуйста, сэндвич с яичницей-глазуньей, ржанные тосты и... – начал было Боб.

– Тостов нет, – перебил его бармен.

– Тогда просто ржаной хлеб.

– Ржаного нет.

Боб оторвал взгляд от меню:

– А какой есть?

– Белый.

Боб пожал плечами:

– Тогда белый. И земляничный коктейль. А тебе, дорогая? Безжизненный взгляд бармена переместился на Джин.

– Даже не знаю. – Она посмотрела на бармена. – Я решу, когда вы принесете заказ моему мужу.

Он на мгновение задержал на ней взгляд, затем развернулся и направился к плите.

– Ужас какой-то, – сказала Джин.

– Знаю, дорогая, – признал Боб. – Но что поделаешь? Известно, когда мы приедем в другой город.

Джин отодвинула мутный стакан и соскользнула со стула.

– Пойду помою руки. Может, после этого у меня появится аппетит.

– Хорошая мысль, – сказал Боб.

Через мгновение он тоже направился к входу в кафе, где были две туалетные комнаты.

Он уже взялся за ручку двери, когда мужчина, жевавший сэндвич у стойки, окликнул его:

– Кажется, там закрыто, мистер.

Боб толкнул дверь.

– Нет, не закрыто, – сказал он и вошел.

Джин вышла из туалета и села на свой стул у стойки. Боба на месте не было. Должно быть, он тоже решил вымыть руки. И мужчина с сэндвичем куда-то исчез.

Бармен в белых брюках отошел от крохотной газовой плиты и направился к ней:

– Решили, что будете заказывать?

– Что? Ах да... – Она взяла меню и мельком заглянула в него. – Пожалуй, мне то же самое, что и моему мужу.

Бармен вернулся к плите и разбил еще одно яйцо об край большой черной сковороды. Джин слушала, как скворчит яичница. Скорей бы вернулся Боб. Ей было неуютно одной в этом темном, душном кафе.

Машинально она взяла стакан и сделала глоток. Поморщилась от вкуса воды и поставила стакан на место.

Прошла минута. Человек на диванчике как-то странно посмотрел на Джин. Она нервно забарабанила пальцами по стойке, у нее сдавило горло, а внутри все напряглось. На руку ей села муха, и Джин резко ее отдернула.

Послушался звук открываемой двери, Джин с облегчением обернулась.

И вздрогнула от озноба в душном, жарком кафе.

Это был не Боб.

С бешено бьющимся сердцем она следила, как мужчина снова занял свое место у стойки и взял недоеденный бутерброд. Он посмотрел на нее, и Джин отвернулась. Затем решительно встала и направилась в переднюю половину кафе.

Она сделала вид, будто рассматривает выцветшие открытки на полке, а сама не спускала глаз с желто-коричневой двери с буквой «М».

Прошла еще минута. У Джин затряслись руки, потом все тело. Сделав несколько долгих, глубоких вдохов, она с тревожным нетерпением смотрела на дверь.

Мужчина, сидевший на диване, встал и медленно побрел по проходу. Кепка его была сдвинута на затылок, высокие ботинки громко стучали по полу. Джин замерла с открыткой в руке, когда он проходил мимо. Дверь туалета открылась и захлопнулась за ним.

Все стихло. Джин по-прежнему стояла и смотрела на дверь, пытаясь справиться с паникой. Она еще раз глубоко вдохнула и положила открытку на полку.

– Ваш сэндвич, – окликнул ее бармен.

Джин вздрогнула от его голоса. Затем кивнула, но осталась стоять на месте.

Дверь туалета снова открылась, и у Джин перехватило дыхание. Она инстинктивно шагнула вперед, но тут же отшатнулась: из двери вышел другой мужчина с потным, красным лицом.

– Простите... – обратилась к нему Джин, когда он проходил мимо.

Мужчина даже не остановился. Джин бросилась за ним и схватила за руку. Пальцы ее невольно дрогнули, прикоснувшись к горячей влажной ткани.

– Прошу прощения... – снова сказала она.

Мужчина обернулся и посмотрел на нее тусклым взглядом. От его дыхания Джин едва не стошнило.

– Вы не видели... мой муж там?

– А?

– Моего мужа нет в туалете? – подбоченясь, повторила она.

Он посмотрел на нее так, будто не понял, о чем она говорит, затем буркнул: «Нет, мэм» – и отвернулся.

Было очень жарко, но Джин словно бы окунули в ледяную воду. В оцепенении она смотрела, как мужчина ковыляет к своему дивану.

Опомнившись, она бросилась к стойке, где другой посетитель лениво отхлебывал пиво из запотевшей бутылки.

Когда Джин подошла, он опустил бутылку и обернулся.

– Простите, вы не видели в туалете моего мужа?

– Вашего мужа?

Она закусила губу:

– Ну да, моего мужа. Вы же видели, как мы вошли вдвоем.

Разве его не было в туалете, когда вы туда заходили?

– Что-то не припоминаю его, мэм.

– Вы хотите сказать, что его там не было?

– Я не припоминаю, чтобы видел его, мэм.

– Но это... это просто смешно! – дала она наконец волю раздражению и испугу. – Он должен быть там!

Они посмотрели друг на друга, но мужчина ничего не ответил, и лицо его оставалось безучастным.

– Вы уверены?

– Мне незачем вас обманывать, мэм.

– Ладно, спасибо.

Джин сидела у стойки, уставившись на поданные сэндвичи и молочные коктейли, и лихорадочно пыталась понять, что же произошло. Это все Боб – он разыграл ее. Но раньше он никогда так над ней не подшучивал, и здесь, конечно же, было не самое удачное место для шуток. И все же это наверняка он. Должно быть, в туалете две двери, и он...

Нет, конечно. Никакая это была не шутка. Боб вообще не заходил в туалет. Просто он решил, что Джин права: это не кафе, а какой-то ужас, и вышел подождать ее в автомобиле.

Она чувствовала себя очень глупо, направляясь к выходу. Бармен должен был сказать ей, что Боб вышел. То ли еще будет, когда она расскажет Бобу, как перепугалась. Удивительно, как легко человек может запаниковать из-за пустяков.

Уже в дверях она вдруг забеспокоилась, заплатил ли Боб за заказ. Должен был заплатить. Во всяком случае, бармен ее не остановил.

Джин вышла на улицу и зажмурилась от солнечных бликов на лобовом стекле машины. Снова улыбнулась своему глупому испугу.

– Боб, – прошептала она. – Боб, куда ты...

В тишине хлопнула входная дверь. Джин бросилась за угол дома. Волны удушливой жары накатывались на нее, сердце взволнованно стучало.

Возле угла она остановилась.

Человек, с которым Джин говорила возле стойки, рас-

смастривал ее машину. Это был невысокий бородатый мужчина, сорока с лишним лет, в пятнистой фетровой шляпе. На нем была рубашка в зеленую полоску и засаленные штаны на подтяжках. Он носил такие же высокие ботинки, как и другой посетитель кафе.

Джин шагнула вперед, и ее босоножки зашуршали по сухой земле. Мужчина оглянулся. Бледно-голубые глаза казались каплями молока на дубленом загорелом лице.

Он беззаботно улыбнулся.

– Я подумал, может, ваш муж ждет вас в машине, – сказал он, коснулся рукой края шляпы и направился обратно в кафе.

– Скажите, вы... – начала Джин, но осеклась, как только мужчина обернулся:

– Да, мэм?

– Вы уверены, что его не было в туалете?

– Когда я вошел, там не было никого.

Она дрожала под палящим солнцем, дожидаясь, пока мужчина зайдет в кафе и за ним закроется дверь. Безотчетный страх разливался по ее телу ледяной волной.

Джин постаралась взять себя в руки. У всего есть разумное объяснение. Такого просто не могло произойти.

Уверенным шагом она вошла в кафе и остановилась возле стойки. Бармен в белых мятых брюках посмотрел на нее поверх газеты.

– Вы не могли бы проверить туалет? – попросила она.

– Туалет?

– Да, туалет, – сдерживая гнев, ответила она. – Я уверена, что мой муж там.

– Там никого не было, мэм, – повторил мужчина в фетровой шляпе.

– Простите, но мой муж не мог просто взять и исчезнуть, – с нажимом сказала Джин, отказываясь верить его словам.

Молчаливое недоумение обоих начало выводить ее из себя.

– Так вы проверите или нет? – продолжала настаивать она, но голос ее при этом невольно дрогнул.

Бармен посмотрел на мужчину в фетровой шляпе, и губы его как-то странно дернулись. Джин сердито сжала кулаки. Наконец бармен вышел из-за стойки, и Джин проследовала за ним.

Он повернул фарфоровую ручку и приоткрыл дверь. Задав дыхание, Джин подошла ближе и заглянула внутрь.

Туалетная комната была пуста.

– Убедились? – Бармен отпустил дверь.

– Подождите, – сказала Джин. – Дайте мне взглянуть еще раз.

Бармен сжал губы:

– Неужели вы не видели, что там пусто?

– Я сказала, что хочу взглянуть еще раз.

– Говорю же вам, леди, вы...

Джин резко толкнула дверь, и та ударилась о стену.

– Вот! – воскликнула Джин. – Там есть еще одна дверь!

Она показала рукой на дверь в дальней стене комнаты.

– Эта дверь уже много лет как заперта, леди.

– И ее нельзя открыть?

– Не вижу никаких причин открывать ее.

– Ее нужно открыть, – возразила Джин. – Мой муж зашел сюда и не вышел обратно. Не мог же он исчезнуть!

Бармен исподлобья посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Что там, за этой дверью?

– Ничего.

– Она ведет наружу?

Бармен опять промолчал.

– Да или нет?

– Она ведет в сарай, леди, но этот сарай уже много лет стоит пустой, – сердито буркнул он.

Джин шагнула вперед и ухватила за ручку двери.

– Говорю же вам, она не открывается, – уже громче повторил бармен.

– Мэм? – раздался за спиной у Джин вкрадчивый голос мужчины в фетровой шляпе. – В этом сарае нет ничего, кроме старого хлама, мэм. Если хотите, я покажу вам.

Что-то в его тоне заставило Джин вспомнить, что она здесь совершенно одна. Никто из ее знакомых не знает, где она, и не сможет проверить, что с ней, если вдруг...

Джин пулей вылетела из туалета.

– Простите, – сказала она человеку в фетровой шляпе, –

но сначала мне нужно позвонить.

Скованной походкой Джин направилась к настенному телефону, вздрагивая от мысли, что эти двое наверняка последуют за ней. Она взяла трубку, но не услышала гудка. Подождала немного, а затем, пересилив себя, обернулась к двум стоявшим позади нее мужчинам:

– Он работает?

– Кому вы собираетесь... – начал было бармен, но второй перебил его.

– Покрутите ручку, мэм, – равнодушно проговорил он.

Бармен недовольно покосился на него, и когда Джин повернулась к телефону, эти двое о чем-то горячо зашептались у нее за спиной.

Дрожащими пальцами она покрутила ручку. «Что, если они набросятся на меня?» – не давала ей покоя тревожная мысль.

– Да? – послышался в трубке тонкий голос.

Джин проглотила комок в горле.

– Не могли бы вы соединить меня с маршалом? – попросила она.

– С маршалом?

– Да... – подтвердила Джин и, надеясь, что те двое ее не услышат, повторила еще раз, уже тише: – С маршалом.

– Но у нас нет маршала, мэм.

Джин готова была закричать от отчаяния.

– А с кем я могла бы поговорить?

– Поговорите с шерифом, – сказала телефонистка.

Джин прикрыла глаз и провела языком по пересохшим губам:

– Хорошо, соедините меня с шерифом.

В трубке что-то пробормотали, потом раздалось заунывное гудение и наконец звук снимаемой трубки.

– Кабинет шерифа, – произнес чей-то голос.

– Шериф, очень прошу вас, подъезжайте...

– Одну секунду. Я только позову шерифа.

В животе у Джин все сжалось, а в горле словно бы натянулась струна. Джин чувствовала на себе взгляды обоих мужчин. Один пошевелился, и она невольно втянула голову в плечи.

– Шериф слушает.

– Прошу вас, шериф, подъезжайте...

Она внезапно поняла, что не знает названия кафе. С дрожащими губами и тревожно бьющимся сердцем она обернулась к неприязненно смотрящим на нее мужчинам.

– Как называется это кафе?

– А зачем вам? – спросил бармен.

«Он не скажет, – подумала Джин. – Он хочет, чтобы я вышла наружу и посмотрела на вывеску, и тогда...»

– Так вы скажете или... – начала она, но тут шериф произнес:

– Алло?

– Пожалуйста, не вешайте трубку, – торопливо заговорила

она. – Я сейчас в кафе на окраине города, рядом с пустыней. То есть на западной окраине. Мы приехали сюда с мужем, а теперь он пропал. Просто исчез.

Она вздрогнула от своих собственных слов.

– Вы в «Синем орле»? – спросил шериф.

– Я... я не знаю, – ответила она. – Не знаю названия. Они не хотят...

Она растерянно замолчала.

– Если вам нужно знать название, мэм, – сказал вдруг мужчина в фетровой шляпе, – то это «Синий орел».

– Да, да, – передала она в трубку. – В «Синем орле».

– Я скоро подъеду, – пообещал шериф.

– Зачем ты ей подсказал? – сердито проговорил бармен у нее за спиной.

– Приятель, нам не нужны проблемы с шерифом. Мы ничего такого не делали. Почему он не может сюда приехать?

Джин прислонилась лбом к аппарату и глубоко вдохнула. «Теперь они ничего мне не сделают, – успокаивала она себя. – Я поговорила с шерифом, и они должны оставить меня в покое».

Джин слышала, как кто-то из мужчин подошел к двери, но, судя по всему, открывать не стал.

Она обернулась. Мужчина в фетровой шляпе смотрел на улицу, а бармен уставился на нее.

– Хотите, чтобы у меня здесь были неприятности? – спросил он.

– Я не хочу, чтобы у вас были неприятности, я хочу вернуть своего мужа.

– Леди, мы не трогали вашего мужа!

Мужчина в фетровой шляпе обернулся и с кривой усмешкой сказал:

– Похоже, ваш муженек сбежал.

– Никуда он не сбежал! – сердито ответила Джин.

– Где же тогда ваша машина?

Что-то оборвалось в груди у Джин. Она подбежала к двери и распахнула ее.

Автомобиль исчез.

– Боб!

– Похоже, он бросил вас, мэм, – повторил мужчина в фетровой шляпе.

Джин растерянно посмотрела на него, затем отвернулась, всхлипнула и вышла на крыльцо. Она остановилась в жаркой тени и сквозь слезы посмотрела туда, где недавно стоял автомобиль. Пыль еще не успела улечься.

Джин все еще стояла на крыльце, когда перед кафе затормозил покрытый пылью голубой патрульный автомобиль. Из него вышел высокий рыжеволосый мужчина, в серой рубашке и серых брюках, с тусклой металлической звездой на груди. Джин с потерянным видом шагнула ему навстречу.

– Вы та самая леди, что мне звонила? – спросил шериф.

– Да, это я.

– Так что у вас случилось?

– Я вам уже говорила. Мой муж пропал.

– Пропал?

Джин постаралась как можно короче объяснить, что произошло.

– А вы не подумали, что он просто уехал? – осведомился шериф.

– Он не оставил бы меня здесь одну.

Шериф кивнул:

– Хорошо, продолжайте.

Когда она закончила, шериф снова кивнул, зашел в кафе и направился к стойке.

– Джимми, муж этой леди заходил в туалет? – спросил он бармена в белых брюках.

– Откуда мне знать? Я стоял у плиты. Спросите Тома, он сидел здесь. – Бармен кивнул на мужчину в фетровой шляпе.

– Что скажешь, Том? – обратился к нему шериф.

– Разве леди не сказала вам, шериф, что ее муж просто сбежал на машине?

– Это неправда! – воскликнула Джин.

– Том, ты видел, как этот человек уехал? – спросил шериф.

– Конечно видел. С чего бы иначе я стал это говорить?

– Нет, нет, – пробормотала Джин, испуганно качая головой.

– Почему же ты не остановил его, если видел? – спросил

шериф Тома.

– А мне-то что за дело, шериф, если человек решил бежать от...

– Он не сбежал!

Мужчина в фетровой шляпе с усмешкой пожал плечами. Шериф обратился к Джин:

– Вы видели, как ваш муж входил в туалет?

– Да, конечно, я... ну хорошо, я не видела, как он входил, но...

Мужчина в фетровой шляпе хмыкнул, и она сердито замолчала.

– Я точно знаю, что он вошел, – снова заговорила Джин, – потому что, выйдя из женского туалета, выглянула на улицу и в машине никого не было. Где он еще мог быть? Кафе не такое уж и большое. Там, в туалете, есть еще одна дверь. Вот он, – она показала на бармена, – сказал, что эту дверь много лет не открывали. Но я уверена, что ее открывали. Я уверена, что мой муж не бросил меня здесь. Он никогда бы этого не сделал. Я хорошо его знаю, он бы не сделал этого!

– Шериф, – вмешался бармен в белых брюках, – она попросила показать ей туалет, и я показал. Там никого не было, и она не посмеет сказать, будто там кто-то был.

Джин раздраженно передернула плечами:

– Он вышел через другую дверь.

– Леди, этой дверью давно никто не пользуется! – рявкнул бармен.

Джин вздрогнула и отшатнулась.

– Хорошо, хорошо, Джимми, успокойся, – сказал шериф. – Леди, поскольку вы не видели, как ваш муж заходил в туалет, и не видели, что в вашей машине уехал кто-то другой, то я не знаю, что тут еще можно сделать.

– Что?

Она не поверила своим ушам. Неужели этот человек и в самом деле сказал, что не может ничего сделать? На мгновение она вся сжалась от ярости, подумав, что шериф просто заступает за своих перед чужаками. А потом, при мысли о том, что она осталась одна, без всякой защиты, у Джин перехватило дыхание и она испуганно посмотрела на шерифа.

– Леди, я правда не знаю, что тут можно сделать, – повторил тот, качая головой.

– Разве вы... – Она неуверенно взмахнула рукой. – Разве вы не можете зайти в туалет и посмотреть, нет ли там каких-нибудь подсказок? Разве не можете открыть ту дверь?

Шериф посмотрел на нее, скривил губы и направился к туалету. Джин не отставала от него ни на шаг, боясь остаться с этими двумя.

Пока шериф проверял заднюю дверь, она осматривала туалет. Но когда рядом с ней появился бармен, невольно вздрогнула.

– Я же говорил, что она не открывается, – сказал бармен шерифу. – Заперта с другой стороны. Как он мог здесь выйти?

– Может быть, кто-то открыл ее с другой стороны, – предположила Джин.

Бармен Джимми недовольно хмыкнул.

– Здесь еще кто-нибудь околачивался? – спросил шериф.

– Только Сэм Маккомас заходил выпить пива, но ушел домой примерно...

– Я говорю про сарай.

– Шериф, вы же сами знаете, что туда никто не заходит.

– А как насчет Большого Лу?

Джимми замешкался с ответом, и Джин заметила, как нервно заходил у него кадык.

– Он не появляется уже несколько месяцев, шериф, – сказал наконец Джимми. – Подался на север.

– Ты бы лучше зашел с той стороны и открыл дверь.

– Да нет там ничего, просто пустой сарай.

– Знаю, Джимми, знаю. Но хочу, чтобы леди тоже в этом убедилась.

Джин снова почувствовала себя одинокой и беспомощной, перед глазами все расплылось. Ее замутило, как будто сама комната начала крутиться вокруг нее. Она сжала одну руку другой, так что побелели пальцы.

Недовольно ворча, Джимми вышел в переднюю дверь и с силой захлопнул ее.

– Леди, подойдите сюда, – тихо и торопливо позвал шериф.

У Джин екнуло сердце, когда она зашла в туалет.

– Узнаете это?

Она взглянула на лоскут ткани в его руке и охнула:

– Он носил брюки как раз такого цвета!

– Не так громко, мэм, – попросил шериф. – Я не хочу, чтобы они поняли, что мне кое-что известно.

Услышав стук шагов, он выскочил из туалета.

– Куда-то собрался, Том?

– Нет-нет, шериф, – ответил мужчина в фетровой шляпе. – Просто решил посмотреть, как тут у вас дела.

– А, ну ладно... Побудь пока здесь, Том, хорошо? – попросил шериф.

– Конечно, шериф, конечно, – широко улыбнулся Том. – Я никуда не спешу.

В туалете что-то щелкнуло, и через мгновение задняя дверь открылась. Шериф прошел мимо Джин и спустился по трем ступенькам в темный сарай.

– Здесь есть освещение? – спросил он Джимми.

– Нет, мне оно ни к чему. Сараем никто не пользуется.

Шериф дернул за шнур выключателя, но ничего не произошло.

– Вы мне не верите, шериф?

– Конечно верю, Джимми, мне просто любопытно.

Джин остановилась в дверях, разглядывая пахнущий сыростью сарай.

– Вроде как здесь кто-то дрался, – заметил шериф, увидев

опрокинутые стол и стул.

– Здесь никого не было уже много лет, шериф. И я давно тут не прибирался.

– Много лет, да? – пробурчал шериф себе под нос, обходя сарай.

Джин наблюдала за ним. Кончики ее пальцев онемели и мелко дрожали. Почему он не поинтересовался, где Боб? Тот клочок ткани – как он оторвался от брюк Боба? Она стиснула зубы. «Не плачь, – приказала она себе. – Только не плачь. С ним все в порядке. Уверена, с ним все в порядке».

Шериф наклонился и поднял с пола газету. Равнодушно заглянул в нее, потом свернул в трубочку и похлопал ею по ладони.

– Много лет, да? – повторил он.

– Ну хорошо, это я не был здесь много лет, – поспешно поправился Джимми, облизнув губы. – Возможно... это Лу или кто-нибудь еще отсиживался здесь пару раз в прошлом году. Понимаете, я не запираю сарай на замок.

– Кажется, ты говорил, что Лу подался на север, – мягко напомнил шериф.

– Верно, подался. Я ведь так и сказал, что он мог в прошлом году...

– Джимми, это вчерашняя газета, – перебил его шериф.

Тот растерялся, он хотел было что-то сказать, но тут же закрыл рот, так и не издав ни звука. Джин больше не могла сдерживать дрожь. Она не услышала, как входная дверь кафе

тихо закрылась и кто-то осторожно спустился по ступенькам крыльца.

– Ну хорошо, – торопливо начал Джимми. – Я ведь не говорил, что только Лу прятался здесь по ночам. Может быть, сюда заходил какой-нибудь бродяга.

Он замолчал, увидев, что шериф обернулся и бросил взгляд за спину Джин.

– А где Том? – громко спросил он.

Джин завертела головой и, охнув, едва успела отступить в сторону, чтобы пропустить избежавшего по ступенькам шерифа.

– Оставайся здесь, Джимми! – бросил он через плечо.

Джин выскочила из кафе вслед за ним. Шериф стоял у крыльца и, прикрыв глаза рукой от солнца, смотрел на шоссе. Она проследила за его взглядом и увидела человека в фетровой шляпе, бегущего следом за другим, высоким мужчиной.

– Похоже, это был Лу, – пробормотал шериф.

Он побежал за ними, но, сделав несколько шагов, вернулся и сел в машину.

– Шериф!

Он выглянул в окно и посмотрел на ее испуганное лицо:

– Ладно, садитесь! Скорее!

Она прыгнула с крыльца и побежала к автомобилю. Шериф открыл дверцу, и Джин уселась рядом с ним. Шериф надавил на газ, и машина юзом развернулась на шоссе, под-

няв тучу пыли.

– Что случилось? – тяжело дыша, спросила Джин.

– Ваш муж не бросил вас, – только и сказал в ответ шериф.

– Где он? – испуганно воскликнула она.

Они почти догнали обоих беглецов, когда те свернули с шоссе и бросились в кусты.

Шериф съехал на обочину и резко нажал на тормоза. Он выскочил из машины и выхватил пистолет.

– Том! – закричал он. – Лу! Остановитесь!

Но они продолжали бежать. Шериф прицелился и выстрелил. Джин вздрогнула от грохота. Далеко в каменистой пустыне под ногами у беглецов поднялся фонтанчик пыли.

Оба тут же остановились, обернулись и подняли руки.

– Возвращайтесь! – крикнул им шериф. – И поживее!

Джин стояла возле машины, не в силах унять дрожь в руках. Она не сводила взгляда с приближавшихся двух мужчин.

– Ну хорошо, так где же он? – спросил шериф, как только они подошли.

– О ком это вы говорите, шериф? – ответил человек в фетровой шляпе.

– Не прикидывайся, Том, – грозно сказал шериф. – Тебе меня больше не одурачить. Эта леди хочет вернуть своего мужа. Так где...

– Мужа! – Лу недовольно покосился на человека в фетровой шляпе. – Я думал, мы с тобой обо всем договорились!

– Заткнись! – рявкнул на него человек в фетровой шляпе.
От его любезности не осталось и следа.

– Ты говорил, что мы не будем... – снова начал Лу.

– Давай посмотрим, что у тебя в карманах, – перебил его шериф.

Лу растерянно посмотрел на шерифа:

– У меня в карманах?

– Давай, пошевеливайся.

Шериф недовольно качнул пистолетом, и Лу начал медленно опорожнять карманы.

– Ты же говорил, что мы этого не будем делать, – пробормотал он, оглядываясь на человека в фетровой шляпе. – Ты же говорил, ослиная твоя голова.

Он бросил на землю бумажник, и Джин охнула.

– Это его вещи, – прошептала она.

– Заберите их, леди, – попросил шериф.

Джин опасливо подошла и подняла с земли бумажник, несколько монет и ключи от машины.

– Ну так где он? – повторил шериф. – И не тратьте попусту мое время! – сердито добавил он, обращаясь к человеку в фетровой шляпе.

– Шериф, я не понимаю, о чем вы... – снова начал тот.

Шериф едва не бросился на него.

– Не зли меня! – прорычал он.

Том вскинул руку и попятился.

– Я расскажу, как все было, шериф, – вмешался Лу. – Ес-

ли бы я знал, что этот парень приехал вместе с женой, я бы никогда этого не сделал.

Закусив губу, Джин уставилась на высокого уродливого мужчину. «Боб, Боб», – мысленно повторяла она.

– Я спросил, где он, – потребовал ответа шериф.

– Я покажу вам, покажу, – забормотал Лу. – Я же сказал вам, что не стал бы этого делать, если бы я знал, что он с женой.

Затем он повернулся к человеку в фетровой шляпе.

– Почему ты позволил ему войти? – хмуро спросил он. – Почему? Отвечай!

– Не понимаю, о чем это он говорит, шериф, – с невинным видом сказал Том. – Почему я должен...

– Выходите на дорогу! – приказал шериф. – Оба! Или вы отведете нас к нему, или вы действительно по уши вляпались. Я поеду за вами на машине. И попробуйте только дернуться, хоть один из вас!

Автомобиль медленно тащился за двумя пешеходами.

– Я уже год охочусь за этими ребятами, – объяснил шериф Джин. – Они придумали замечательную схему: грабят посетителей кафе, потом выбрасывают их где-нибудь в пустыне, а машину продают на севере.

Джин почти не слышала его. У нее щемило в груди, она впилась взглядом в ленту шоссе, сложив руки на коленях.

– При этом я не мог догадаться, как именно они работают, – продолжал шериф. – А про туалет даже не подозревал.

Думаю, они держали туалет закрытым для всех, кроме тех, кто пришел в кафе один. А сегодня у них, видать, вышла промашка. Наверное, Лу просто нападал на каждого, кто туда заходил. Он не особенно умный парень.

– Вы хотите сказать, что они... – нерешительно начала Джин.

Шериф помедлил с ответом:

– Не знаю, леди. Но нет, я так не думаю. Они не настолько тупые. И потом, у нас ведь такое уже случалось, и пока они никому не сделали ничего худшего, чем простой удар по голове.

Он посигналил идущим впереди.

– Давайте, пошевеливайтесь!

– Там могут быть змеи? – спросила Джин.

Шериф не ответил. Он лишь плотно сжал губы и надавил на педаль, и тем двоим пришлось бежать трусцой, чтобы не угодить под бампер.

Через сотню-другую ярдов Лу свернул на грунтовую дорогу.

– Боже мой, куда они его увели? – спросила Джин.

– Должно быть, теперь уже близко.

Лу показал на кучку деревьев, и Джин увидела там свою машину. Шериф остановил автомобиль, и они вышли.

– Хорошо, а где он сам? – спросил шериф.

Лу пошел вперед по кочковатой пустыне. Джин едва сдерживала себя, чтобы не побежать впереди него. Она шла ря-

дом с шерифом, сухая земля хрустела под ногами. Она почти ничего не чувствовала, когда сандалии наступали на острые камни, а лишь напряженно вглядывалась в пустыню перед собой.

– Надеюсь, вы не держите на меня зла, мэм, – сказал Лу. – Если бы я знал, что вы с ним вместе, никогда бы его не тронул.

– Брось, Лу, – осадил его шериф. – Вы оба влипли по самые уши, так что не трать силы понапрасну.

И тут Джин увидела, что на песке лежит человек. Всклипнув, с бешено колотящимся сердцем она бросилась к нему:

– Боб...

Она положила его голову к себе на колени, и, когда он открыл глаза, ей показалось, что земля покачнулась.

Он попытался улыбнуться, но тут же поморщился от боли.

– На меня напали, – прошептал он.

Слезы потекли по ее щекам. Она помогла ему добраться до их автомобиля, а потом всю дорогу до города, следуя за машиной шерифа, Джин крепко держала Боба за руку.

Перевод С. Удалина

Подделки

Как-то раз, возвращаясь под дождем домой с работы, мистер Уильям О. Кук подумал о том, как здорово было бы раздвоиться. Это был сорокалетний мужчина, ростом пять футов и семь дюймов, с округлым животом, лысиной и чувством усталости от жизни. Однообразие угнетало его, неизменный распорядок причинял боль. Если поручить дубликату выполнять за себя все скучные дела, мечтал мистер Кук, ходить на службу, вести хозяйство, заботиться о детях и так далее, то у него самого останется время для занятий поприятнее – болеть за любимую команду на стадионе, веселиться в баре, подмигивать встречным красоткам и тайно посещать салон удовольствий мадам Гогарти, расположенный по ту сторону дороги. Впрочем, при наличии дубликата эти посещения не обязательно должны быть тайными.

Кончилось тем, что мистер Кук, потратив четыре года шесть месяцев и два дня, пять тысяч двести двадцать восемь долларов и двадцать центов, шесть тысяч ярдов проволоки и триста две радиолампы, а также целую гору бумаги, умопомрачительное количество умственной энергии и остатки благорасположения своей жены, собрал установку для дублирования. Он закончил работу осенним воскресным вечером и, сразу после ужина с Мод и пятью детьми, изготовил себе дубликат.

– Привет, – сказал он, протягивая руку своей моргающей копии.

Дубликат ответил на рукопожатие, и мистер Кук отправил его смотреть телевизор – пока не наступит время ложиться спать. Сам же мистер Кук выбрался из дому через окно и угольный сарай и направился в ближайший бар. Там он выпил в честь такого праздника пять рюмок, а затем взял такси и поехал к мадам Гогарти наслаждаться прелестями рыжеволосой Дилайлы Фрайни, бывшей блондинки, девицы двадцати семи лет и тридцати восьми дюймов в бедрах, обладающей также и множеством других достоинств.

План сработал, и жизнь превратилась в песню. Пока однажды вечером второй мистер Кук не прижал первого к стене подвальной мастерской и не потребовал отдыха, заявив:

– Я больше этого не выдержу, черт возьми!

Как выяснилось, он устал от унылой жизни мистера Кука ничуть не меньше, чем сам мистер Кук. Никакие разумные доводы на него не подействовали. Под угрозой разоблачения упрямым дубликатом мистер Кук – отказавшись от альтернативного варианта убить своего заместителя – решил изготовить второй дубликат, чтобы дать первому шанс на нормальную жизнь.

И все снова пошло превосходно, пока второй дубликат не устал и не запротестовал. Мистер Кук пытался уговорить две свои копии чередовать утомительные обязанности с приятным отдыхом, но первый дубликат вполне ожидаемо отка-

зался, слишком дорожа временем, проводимым в обществе мисс Джини Бонароба из салона мадам Гогарти, чтобы тратить его на выполнение скучной повседневной работы. Снова прижатый к стене, мистер Кук изготовил третий дубликат, затем четвертый, а затем пятый. Постепенно в городе, пусть даже он и был довольно большим, стало тесно от мистеров Уильямов О. Куков. Он сталкивался с самим собой на улицах, давал самому себе прикурить и буквально наступал себе на ноги. Жизнь усложнилась. Тем не менее мистер Кук не жаловался. Скорее ему даже нравилось общество своих копий, и он приятно проводил время, играя с ними в боулинг. Кроме того, оставалась еще Дилайла с ее бесценным очарованием.

Именно из-за нее и разразилась беда.

Однажды, придя в салон мадам Гогарти, мистер Кук застал ее в объятиях дубликата номер семь. Заверения бедной девушки – она понятия не имела, что это не он! – привели мистера Кука в бешенство, и он ударил сначала ее, а потом, если так можно выразиться, самого себя. Тем временем в нижнем холле копия номер три увидела копию номер пять в пленительном обществе их любимицы мисс Гертруды Леман. Вспыхнул еще один кулачный бой, в котором также приняли активное участие дубликаты номер два и четыре. Вскоре все здание наполнилось криками и шумом этого необычного сражения.

Тут вмешалась разгневанная мадам Гогарти. Прекратив

ссору, она выпроводила мистера Кука вместе с копиями в его загородный дом. Той же ночью в подвале дома произошёл загадочный взрыв. Прибывшие на место происшествия полицейские и пожарные обнаружили среди развалин обломки оборудования и куски человеческих тел. Мистера Кука, несмотря на его возмущенные возгласы, взяли под арест. Мадам Гогарти встретила эту новость с мрачным удовлетворением. Позже за чаем она сказала своим девочкам, что их бордель чуть было совсем не закусился.

Перевод С. Удалина

Корабль смерти

Первым это увидел Мейсон.

Он сидел у бокового экрана и делал пометки, когда корабль подлетал к новой планете. Перо быстро двигалось туда-сюда по разграфленной таблице, которую он держал перед собой. Затем астронавты опускались на планету и брали образцы. Минералы, растения, животные – если таковые вообще были. Образцы помещали в хранилище, чтобы доставить на Землю. Там специалисты все изучат, опишут и оценят и, если условия окажутся приемлемыми, поставят в досье жирную черную печать «ПРИГОДНА ДЛЯ ЖИЗНИ» и объявят об открытии еще одной планеты, которую смогут колонизировать жители перенаселенной Земли.

Мейсон как раз заносил в таблицу данные общей топографической съемки, когда уловил краем глаза отблеск.

– Там что-то есть. – Он переключил экран на демонстрацию снимков.

– Что такое? – спросил Росс, сидевший за пультом управления.

– А вы разве не видели вспышки?

Росс посмотрел на свой экран.

– Мы пролетали над озером, – ответил он.

– Нет, это другое, – возразил Мейсон. – Вон в том просвете за озером.

– Сейчас проверим, – сказал Росс. – Но скорее всего, это просто отражение от воды.

Его пальцы забежали по пульту, и большой корабль, развернувшись по плавной дуге, полетел назад.

– Смотри внимательно, – распорядился Росс. – Убедись, что тебе не показалось. Мы не можем тратить время попусту.

– Да, сэр.

Росс сосредоточился, сжав пухлые губы. Мейсон затаил дыхание.

Он смотрел на экран, не решаясь даже моргнуть, а под ним как будто разматывался гобелен с лесами, полями и реками. Мейсон невольно подумал: вот сейчас это может наконец-то произойти. Та самая встреча человечества с жизнью за пределами Земли, с мыслящей расой, развившейся из других клеток, на другой почве. Какая волнующая мысль! Возможно, это случится именно в 1997 году. И возможно, они вместе с Россом и Картером ведут сейчас к грандиозному открытию стремительную «Санта-Марию», серебристый космический галеон.

– Вот оно! – сказал он. – Вон там!

Мейсон оглянулся на Росса. Капитан всматривался в тарелку экрана. Выражение его лица было хорошо знакомо Мейсону. Спокойный, уверенный анализ перед окончательным решением.

– По-вашему, что это? – спросил Мейсон, пытаясь сыграть на тщеславии капитана.

– Может, корабль, а может, и нет, – проговорил Росс.

«Ну так ради бога, давайте спустимся и посмотрим», – хотелось сказать Мейсону, но он понимал, что этого делать нельзя. Решения всегда принимает Росс. Иначе корабль даже не притормозил бы.

– Думаю, там ничего нет, – поддел его Мейсон.

Он нетерпеливо наблюдал, как пальцы капитана стучат по кнопкам.

– Мы должны сесть, – объявил Росс. – В любом случае нужно взять образцы. Единственное, чего я опасаюсь... – Он покачал головой.

«Ну давай же, приятель! – бурлило в горле у Мейсона. – Ради бога, давай сядем!»

Тут Росс снова кивнул, и это скупое движение подтвердило, что решение принято. Мейсон облегченно выдохнул. Капитан принялся крутить регуляторы и нажимать кнопки. Кабина слегка задрожала, но гироскопы удерживали корабль в нужном положении. Небосвод развернулся на девяносто градусов, за прочными иллюминаторами показались облака. Росс взял направление на здешнее солнце и отключил маршевый двигатель. Корабль на долю секунды завис в воздухе, словно в нерешительности, и начал опускаться к поверхности.

– Эй, мы уже садимся?

Микки Картер вопросительно смотрел из левой двери, ведущей к хранилищу образцов. Он вытер грязные руки о шта-

нину комбинеzona.

– Мы там что-то увидели, – сказал Мейсон.

– Да неужели? – хмыкнул Микки, подходя к экрану. – Дай-ка я сам гляну.

Мейсон включил увеличение. Они вдвоем смотрели, как вырастает под ними планета.

– Не знаю, сможем ли мы... Ага, вот оно. – Мейсон оглянулся на Росса. – Два градуса на восток, – доложил он.

Росс повернул регулятор, а затем слегка изменил угол снижения.

– Как вы думаете, что это? – спросил Микки. – Ого!

Округлившимися от любопытства глазами он рассматривал сияющее пятно, которое постепенно увеличивалось в размерах.

– Это может быть корабль, – пробормотал он. – Очень даже может быть.

Он замолчал, стоя рядом с Мейсоном, а земля продолжала лететь навстречу.

– Обратная тяга, – сказал Мейсон.

Точным движением Росс ударил по кнопке, и двигатель выпустил струю горящего газа. Ракета постепенно сбрасывала скорость. Росс вел корабль на посадку.

– А ты как думаешь, что это? – спросил Микки.

– Не знаю, – ответил Мейсон. – Но если это корабль, – мечтательно добавил он, – то вряд ли он прилетел с Земли. Этот маршрут знаем только мы.

– Может, они сбились с курса, – возразил Микки, но без особой уверенности.

Мейсон пожал плечами:

– Сомневаюсь.

– А что, если это и правда корабль? – продолжал гадать Микки. – И к тому же не наш.

Мейсон молча посмотрел на него, и Картер облизнул губы.

– Должно же это чем-то быть.

– Воздушная подушка, – приказал Росс.

Мейсон щелкнул тумблером. Воздушная подушка позволяла совершить посадку, не укладываясь в мягкие кресла. Экипаж мог остаться в кабине и почти не ощутить удара. Это была последняя разработка, которой оснащались государственные суда.

Корабль выпустил задние опоры. Дернулся, слегка подпрыгнул и замер, приподняв острый нос и ярко сверкая в солнечном свете.

– Я хочу, чтобы все держались вместе, – распорядился Росс. – Никто не должен рисковать. Это приказ.

Он поднялся с кресла и указал на настенный выключатель, подающий воздух в небольшую камеру в углу кабины.

– Три к одному, что нам понадобятся шлемы, – сказал Микки Мейсону.

– Принято, – ответил Мейсон, включаясь в игру, которую они устраивали на каждой новой планете.

Это был спор, достаточно ли кислорода в ее атмосфере. Микки всегда ставил на дыхательные аппараты, Мейсон рассчитывал, что хватит собственных легких. Пока счет был равный.

Мейсон перекинул рычаг, и в камере зашипело. Микки достал из шкафчика шлем, закрепил его на голове и вышел через шлюз. Мейсон слышал, как сдвинулись двери. Ему очень хотелось включить боковой экран и посмотреть на объект, который они обнаружили. Но он сдержался, наслаждаясь щекочущим ощущением неизвестности.

Из интеркома донесся голос Микки:

– Снимаю шлем.

И дальше тишина. Они ждали продолжения и наконец услышали разочарованный вздох:

– Я опять проиграл.

– Боже, они разбились!

Выражение лица у Микки было потрясенным и встревоженным. Теперь все трое стояли на зеленовато-синей траве и смотрели на находку.

Это был корабль. Или то, что осталось от него после удара носом о землю на ужасающей скорости. Корпус на пятьдесят футов погрузился в грунт. Выступающие части срезало при падении и разбросало по всему полю. Тяжелый двигатель сорвался с крепежа и смял кабину. Стояла жуткая тишина, и по обломкам трудно было даже определить тип корабля. Как

будто огромный ребенок утратил интерес к своей игрушке и бросил ее на землю, наступил, а потом еще расколотил камнем.

Мейсон содрогнулся. Давно ему не приходилось видеть такие аварии. Он почти позабыл о постоянной угрозе потери управления, свистящего падения сквозь атмосферу и жестокого удара о поверхность. Чаще разговор заходил о риске застрять на орбите. А теперь он вспомнил еще одну опасность в своей профессии. У него сжалось горло.

Росс пнул ногой кусок металла:

– Много не скажу, но, похоже, это был кто-то из наших.

Мейсон хотел было ответить, но передумал.

– Судя по двигателю, это точно наши, – согласился Микки.

– У нас ракеты однотипны, – услышал Мейсон собственный голос. – Все до одной.

– Правильно, это наши, – подтвердил Росс. – Какие-то бедняги с Земли. Что ж, по крайней мере, они умерли мгновенно.

«Так ли?» – спросил себя Мейсон и вообразил охваченную ужасом команду в кабине корабля, что несется к земле, словно выпущенный из пушки снаряд, или, может быть, вертится и трясется, как безумец в виттовой пляске, а гироскоп тщетно пытается выровнять полет.

Крики, отрывистые приказы, призывы к Небесам, которых эти люди никогда прежде не видели, к Богу, который,

возможно, был тогда где-то в другой Вселенной. А затем планета надвинулась на них и ударила со страшной силой, раздавила всмятку. Мейсон снова вздрогнул от таких мыслей.

– Пойдем посмотрим, – сказал Микки.

– Не уверен, что так будет правильно, – сказал Росс. – Мы считаем, что это наши. Но мы можем и ошибаться.

– Господи! Думаете, там остался кто-то живой? – спросил Микки.

Росс промолчал. Но все понимали, что он видит перед собой то же, что и другие: искореженную громадину. Никто не мог пережить такую катастрофу.

Твердый взгляд. Плотно сжатые губы. Недолгий обход вокруг корабля. Короткий, незаметный остальным кивок.

– Попробуем войти здесь, – распорядился Росс. – Держитесь вместе. Мы должны побывать на борту. Только тогда на базе смогут определить, что это был за корабль.

Он уже решил, что это были земляне.

Астронавты подошли к тому месту, где корпус разошелся вдоль сварного шва. Толстый металлический лист согнулся так же легко, как бумага.

– Мне это не нравится, – вздохнул Росс. – Но все же...

Он кивнул на отверстие, и Микки протиснулся внутрь. Картер тщательно осмотрел перила, затем провел рукой в рабочей перчатке по стене и наткнулся на острую кромку. Он сообщил об этом остальным, и они полезли в карманы своих комбинезонов за перчатками. Затем Микки шагнул в

темную утробу корабля.

– Подожди! – крикнул Росс. – Я сейчас подойду.

Капитан поднялся наверх, и его тяжелые ботинки зашуршали по оболочке ракеты. Он забрался в отверстие, и Мейсон последовал за ним.

Внутри было темно. Мейсон прикрыл глаза, чтобы привыкнуть к смене освещения. Снова открыв их, увидел два ярких луча, скользящие по запутанному клубку труб и перегородок. Он достал и включил собственный фонарь.

– Здесь все сломано, – пробормотал Микки, со страхом глядя на мертвые механизмы.

Негромкое эхо отразилось от стен. А когда оно смолкло, на астронавтов опустилась полная тишина. Они стояли в тусклом свете, и Мейсон уловил резкий запах поврежденного двигателя.

– Следи за этим запахом, – приказал капитан Микки, протянувшему руку в поисках опоры. – Не хватало нам еще отравиться.

– Я слежу.

Микки поднялся по изогнутой лестнице, одной рукой подтягивая свое мощное тело, и направил фонарь вверх.

– Кабина вся искорежена, – сообщил он, покачав головой.

Росс карабкался следом за ним. Мейсон шел последним, обводя лучом бесконечный уродливый лабиринт, дикий хаос, когда-то бывший могучим кораблем. Он то и дело удивленно присвистывал, видя в свете фонаря очередную бес-

форменную грудь металла.

– Заперто, – сказал Микки, стоя на изогнутом кренделем мостике и держась за внутреннюю стену корабля.

Он снова ухватился за ручку и попытался открыть дверь.

– Дай фонарь, – велел Росс.

Он направил два луча на дверь, и Микки потянул за одну из ручек. Он громко сопел, лицо покраснело от напряжения.

– Нет, – покачал он головой. – Заклинило.

К ним подошел Мейсон.

– Возможно, кабина все еще под давлением, – тихо проговорил он, и ему не понравилось, как прозвучало эхо.

– Сомневаюсь, – подумав, ответил Росс. – Скорее всего, перекосило раму. Помоги Картеру.

Росс кивнул на Микки.

Мейсон ухватился за одну ручку, а Картер за другую. Они уперлись ногами в стену и потянули изо всех сил. Дверь держалась. Они поменяли захват и удвоили усилия.

– Эге, поддается! – сказал Микки.

Они нашли новую опору для ног и опять дернули. Раму и в самом деле перекосило. Дверь приоткрылась и снова стала намертво. Им едва удалось протиснуться боком.

В кабине было темно. Мейсон вошел первым и осветил пустое кресло пилота. Следом прошуршал Микки и заводил лучом в поисках кресла навигатора.

Его не оказалось вовсе. Переборка, экран, стол и кресло – все было смято упавшим сверху листом обшивки. У Мей-

сона перехватило горло, когда он подумал, что сам мог бы сидеть в этом кресле.

Росс тоже вошел. Три луча кружили по кабине. Удержаться на косой палубе было непросто.

Это навело Мейсона на мысль о смещении центра тяжести и постепенном сползании...

...в угол, куда он внезапно нацелил свой фонарик.

Сердце бешено забилося, по спине пробежал холодок, немигающий взгляд уставился в одну точку. Ноги сами собой заскользили под уклон.

– Здесь, – хрипло сказал он.

В углу лежал труп. Мейсон едва не споткнулся об него, но вовремя остановился.

Он услышал шаги Микки и его голос. Сдавленный испуганный шепот:

– Матерь божья!

Росс ничего не сказал. Никто из них больше ничего не сказал, слышалось только судорожное дыхание.

Потому что там, на полу, лежали они сами. И все трое были мертвы.

Мейсон не знал, сколько они так простояли, молча разглядывая изувеченные тела.

«Как должен вести себя человек, стоящий рядом с собственным трупом? – крутилось у него в голове. – Что он должен сказать? Каким должно быть его первое слово?»

Трудный, опасный для сознания вопрос.

Но это действительно произошло. Он стоит здесь – а у него под ногами лежат мертвецы. Пальцы Мейсона онемели, он пошатнулся на наклонном полу.

– Господи... – снова прошептал Микки.

Он направил фонарь на собственное лицо. Его губы дернулись. Затем все трое осветили свои лица, яркие полосы света соединили их с телами двойников.

Наконец Росс выдохнул, и в спертom воздухе кабины прозвучал его напряженный голос:

– Картер, найди выключатель аварийного освещения и проверь, работает ли.

– Сэр?

– Выключатель! – рявкнул Росс. – Аварийное освещение!

Мейсон и капитан остались на месте, а Микки прошаркал вверх по наклонному полу, задевая ботинками металлические обломки. Мейсон закрыл глаза, но никак не мог сдвинуть ногу, прижатую к мертвому телу. Словно был к нему привязан.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он.

– Не раскисай, – сказал Росс.

Мейсон не знал, кого хотел подбодрить капитан – его или себя.

С визгом включился аварийный генератор. Лампы мигнули и погасли. Генератор закашлялся, затем снова загудел, и наконец вспыхнул свет.

Микки соскользнул по склону и стал рядом. Они смотрели на собственные трупы. Головы мертвецов были раздавлены. Микки отшатнулся, раскрыв рот в непередаваемом ужасе.

– Я ничего не понимаю, – сказал он. – Ничего! Кто это?

– Картер, – ответил Росс.

– Это я Картер! – воскликнул Микки. – Господи! Это я!

– Держи себя в руках! – приказал Росс.

– Это мы, – тихо проговорил Мейсон. – И все трое мертвы.

Он не знал, что тут еще можно сказать. Это был безмолвный кошмар. Искореженная, накренившаяся кабина. Три скорчившихся в углу трупa, переплетенные руки и ноги. Ничего не оставалось, как оцепенело смотреть на них.

– Идите поищите брезент, – велел Росс. – Оба.

Мейсон развернулся, радуясь тому, что можно переключиться на выполнение простой задачи и отпихнуть от себя этот ужас. Он зашагал вверх по наклонному полу. Микки попытлся, не в силах отвести взгляд от крупного покойника в зеленом комбинезоне и с окровавленной головой.

Мейсон вытащил из хранилища тяжелый рулон брезента и отнес в кабину, механически переставляя ноги. Он пытался выключить мозг, чтобы не думать о происходящем, пока не уляжется первоначальный шок.

Вместе с Микки они неловкими движениями развернули брезент, и плотная блестящая ткань плавно опустилась на трупы. Она прикрыла головы, туловища, а также выставлен-

ную вверх, словно копьё, руку.

Мейсон вздрогнул и отвернулся. Он заковылял к креслу пилота и рухнул в него. Посмотрел на свои вытянутые ноги в тяжелых ботинках. Ущипнул себя за икру и почти с облегчением почувствовал боль.

– Отойди от них! – услышал он голос Росса. – Я сказал, отойди!

Он оглянулся и увидел, как Росс вцепился в Картера, присевшего над трупами. Мейсон ухватил Микки за руку и потащил наверх.

– Мы все мертвы, – глухо проговорил Микки. – Это мы там, на полу. Мы все мертвы.

Росс затолкал его голову в разбитый иллюминатор и заставил выглянуть наружу.

– Вот он, наш корабль, – сказал капитан. – На том же месте, где мы его оставили. А этот – не наш. И эти тела... не могут быть нашими, – закончил он слабым голосом.

Для такого рассудительного человека собственные слова прозвучали не слишком убедительно. Он дернул кадыком и упрямо выпятил нижнюю губу, не желая уступать этой загадке. Росс не любил загадок. Он предпочитал решения и действия. Сейчас он жаждал действий.

– Вы же видели себя на полу, – сказал Мейсон. – Хотите сказать, что это не вы?

– Именно это я и хочу сказать, – ошетинился Росс. – Это кажется безумием, но у всего есть объяснение.

Он ударил кулаком в свой мощный бицепс и поморщился: – Вот он я. И я настоящий. – Росс сверкнул глазами, словно ожидая возражений. – Я живой.

Двое помощников растерянно смотрели на него. – Я ничего не понимаю, – вяло произнес Микки и покачал головой.

Мейсон обмяк в кресле пилота. Он почти поверил, что прагматизм Росса вытащит их из этой передраги. Что его иммунитет к необъяснимому спасет экипаж. Он пытался думать сам, но проще было предоставить право решать капитану.

– Мы все мертвы, – повторил Микки.

– Не будь дураком! – закричал Росс. – Потрогай себя!

Мейсон гадал, как долго это будет продолжаться. Вот сейчас он проснется и увидит, что все сидят на своих обычных местах, и этот безумный сон больше никогда не повторится.

Но сон не заканчивался. Мейсон откинулся на спинку кресла, и она была настоящая. Со своего места он мог дотянуться до органов управления, и они тоже были настоящими. Это не сон, это реальность. Не нужно даже снова щипать себя.

– Может, галлюцинация? – безуспешно попытался он найти объяснение методом тыка.

– Все, с меня хватит, – заявил Росс.

Он прищурился и строго посмотрел на подчиненных. На его лице читалась уверенность. Мейсон ощутил что-то вроде

надежды. Он попробовал догадаться, к какому выводу пришел Росс. Галлюцинация? Нет, исключено. Росс ни за что с этим не согласится. Микки тоже смотрел на Росса. Молчал, раскрыв рот. Он тоже нуждался в успокоительном объяснении.

– Складка времени, – сказал Росс.

Затянулась пауза.

– Что? – спросил Мейсон.

– Послушайте... – начал излагать свою гипотезу Росс.

Нет, это была не гипотеза, а теория, поскольку логика Росса не знала таких вещей, как сомнение. Он излагал только непреложные истины.

– Искажение пространства, – говорил Росс. – Время и пространство образуют единый континуум. Так?

Никто ему не ответил. Но он в этом и не нуждался.

– Вспомните, в ходе подготовки нам рассказывали о замкнутой кривой времени. Есть вероятность, что если улететь с Земли в определенный момент, то мы вернемся назад на год раньше, чем выходило по расчетам. Или на год позже.

Мы-то думали, что это просто теоретические рассуждения наших учителей. Но теперь с нами именно такое и случилось. Нас занесло в складку времени. Теперь мы в другой Вселенной. Возможно, это иная пространственная линия, а возможно, временная.

Росс взял паузу для пущего эффекта.

– Мы в будущем, – объявил наконец он.

Мейсон посмотрел на него и спросил:

– Ну и что это нам дает? Даже если вы правы?

– Что мы не мертвы, – удивился его непонятливости Росс.

– Если это будущее, значит мы должны умереть, – тихо проговорил Мейсон.

У Росса отпала челюсть. Об этом он не подумал. Его догадка только ухудшает положение. Потому что страшнее смерти может быть только одно: ожидание ее. Когда ты точно знаешь, где и как это случится.

Микки затряс головой и опустил руки. Потом поднес одну к губам и принялся нервно грызть почерневший ноготь.

– Нет, – слабым голосом повторил он, – я не могу этого понять.

Росс устало посмотрел на Мейсона. Он кусал губы, чувствуя, как неизвестность давит на него, лишая роскоши рационального мышления. Но капитан пытался отпихнуть ее от себя, отбросить в сторону. Он не сдавался.

– Послушайте, – сказал он, – мы же договорились, что эти тела – не наши.

Никто не ответил.

– Включите мозги! – скомандовал он. – Потрогайте себя!

Мейсон провел онемевшими пальцами по комбинезону, по шлему, по ручке в кармане. Сжал кулаки из костей и плоти. Присмотрелся к венам на руке, осторожно пощупал пульс. Они настоящие. Эта мысль вернула ему силы. Он все еще жив, его плоть и кровь служат лучшим доказательством

этому.

Его сознание прояснилось. Он выпрямился, хмуро взглянул на Росса и увидел облегчение на лице капитана.

– Ну хорошо, – сказал Мейсон, – мы в будущем.

Микки все еще стоял в напряженной позе возле иллюминатора.

– И что это нам дает? – спросил он.

Его слова отбросили Мейсона назад. В самом деле, что это им дает?

– Как далеко это будущее? – прибавил он веса угнетающему вопросу Микки. – Откуда нам знать, что катастрофа не случится в ближайшие двадцать минут?

Росс звонко ударил кулаком по ладони.

– Откуда нам знать?! – резким тоном повторил он. – Мы просто не взлетим и не сможем разбиться. Вот откуда.

Мейсон с сомнением взглянул на него:

– Может, если взлетим, то избежим смерти? Выйдем из этого пространства-времени, вернемся в нашу Вселенную и...

Он замолчал, пытаясь уследить за извилистым потоком мысли.

Росс нахмурился. Он беспокойно переминался и облизывал губы. То, что раньше казалось таким простым, теперь выглядело иначе. И внезапное вторжение сложности раздражало его.

– Сейчас мы живы, – сказал он, убеждая самого себя и

словно черпая уверенность в этих разумных словах. — И есть только один способ остаться живыми. — Он оглядел свою команду и объявил решение: — Мы не улетим отсюда.

Остальные молча смотрели на Росса. Ему очень хотелось увидеть согласие в глазах хотя бы одного из них.

— Но... как же наше задание? — робко спросил Мейсон.

— В нашем задании не сказано, что мы должны угробить-ся, — ответил Росс. — Нет, у нас только один выход. Если не взлетим, то и не разобьемся. Мы... избежим смерти, предотвратим ее!

Капитан резко кивнул. Для него все было решено.

Мейсон покачал головой:

— Я не знаю. Я...

— Я знаю! — отрубил Росс. — А теперь идем отсюда. Этот корабль действует нам на нервы.

Капитан показал на дверь, и Мейсон поднялся с кресла. Микки шагнул к выходу, но вдруг остановился в нерешительности и оглянулся на трупы.

— А разве мы не должны... — начал он.

— Что еще? — нетерпеливо спросил Росс.

Микки уставился на неподвижные тела. Безумие происходящего продолжало засасывать его.

— Разве мы не должны... похоронить нас?

Росс проглотил комок в горле. Не желая больше ничего слышать, он прогнал остальных из кабины. Пробравшись между обломками к двери, оглянулся на беспорядочную ку-

чу тел под брезентом и скрипнул зубами.

– Я живой, – зло пробормотал Росс.

Резким движением он выключил свет в кабине и вышел.

Они сидели в кабине своего корабля. Росс велел принести пищу, но, кроме самого капитана, к ней никто не притронулся. Зато его челюсти двигались с таким ожесточением, будто он намеревался размолоть все тайны зубами.

Микки посмотрел на тарелку.

– Сколько времени мы здесь пробудем? – спросил он, словно еще не понял, что они остаются навсегда.

– На сколько нам хватит продовольствия? – вторил ему Мейсон, подавшись вперед в кресле и вперившись в Росса взглядом.

– Не сомневаюсь, что на планете мы найдем чем прокормиться, – ответил Росс, не переставая жевать.

– Но как узнаем, что съедобно, а что ядовито?

– Понаблюдаем за животными, – стоял на своем Росс.

– Это другие формы жизни, – возразил Мейсон. – То, что годится для них, может оказаться вредным для нас. К тому же еще неизвестно, есть ли здесь фауна.

Мейсон растянул губы в горькой усмешке. Подумать только, ведь он действительно мечтал вступить в контакт с другой расой.

– Разберемся, – ошетинился Росс. – Будет день, будет и пища, – добавил он, словно рассчитывал подавить всякое

недовольство с помощью этой древней мудрости.

– Не знаю, – покачал головой Мейсон.

Капитан вскочил:

– Послушайте, нет ничего проще, чем задавать вопросы. Но ведь мы уже решили, что остаемся, так давайте думать о неотложных проблемах. Не рассказывайте мне о том, чего нам нельзя делать, это я и без вас знаю. Подскажите, что сделать нужно.

Он резко развернулся и прошел к панели управления. Остановился, разглядывая безжизненные шкалы и циферблаты, сел в кресло пилота и принялся торопливо записывать в журнал, словно только что произошло событие большой важности. Позже Мейсон подсмотрел записи Росса: это была целая страница малоубедительных, но настойчивых доказательств того, что они все еще живы.

Микки пересел на свою койку. Прижав огромные руки к вискам, он был похож на ребенка, который наелся зеленых яблок, несмотря на мамин запрет, и теперь ждет наказания. Мейсон понимал, о чем он думает. Об этих неподвижных телах с разбитыми черепами. Представляет, как гибнет в жуткой аварии. Мейсон и сам думал о том же. Да и Росс, вопреки своему решительному виду, наверняка боится.

Мейсон стоял возле иллюминатора и смотрел на неподвижный остов корабля на другом конце луга. Опускалась темнота. Последние лучи солнца сверкнули на оболочке разбитой ракеты. Мейсон повернулся и посмотрел на датчик за-

бортной температуры. Было еще светло, а прибор показывал всего семь градусов. Мейсон передвинул пальцем стрелку термостата.

«Тепло уходит, – подумал он. – На приземлившемся корабле энергия расходуется очень быстро. Он пьет свою кровь, без всякой возможности переливания».

Корабельные аккумуляторы подзаряжаются только в полете. А Мейсон и его товарищи стояли на месте, пойманные в ловушку, обездвиженные.

– Долго ли мы протянем? – снова спросил он Росса, не желая замалчивать такую важную проблему. – Пищи хватит месяца на два, аккумуляторы разрядятся еще раньше. Без тепла мы замерзнем.

– С чего ты взял, что мы останемся без тепла? – с притворным терпением поинтересовался Росс.

– Солнце только что село, – объяснил Мейсон, – а за бортом уже... минус тринадцать.

Росс мрачно взглянул на него, затем выбрался из кресла и принялся расхаживать по кабине.

– Если попробуем взлететь, – сказал он, – то рискуем... повторить случившееся с тем кораблем.

– А если нет? – усомнился Мейсон. – Мы можем умереть только раз. И похоже, это уже произошло. В этой Вселенной. А что, если человек умирает только один раз во всех Вселенных? Что, если это жизнь после смерти? Что, если...

– Ты закончил? – холодно спросил Росс.

Микки поднял голову.

– Давайте улетим, – сказал он. – Не хочу здесь пропадать.

– Не будем подставлять шею под топор, пока не знаем, как надо действовать, – ответил Росс.

– У меня жена! – зло бросил Микки. – Только из-за того, что вы сами не женаты...

– Заткнись! – рявкнул Росс.

Микки лег на койку и повернулся лицом к холодной переборке. Его мощное тело сотрясали судорожные вздохи. Больше он не говорил, только хватался снова и снова за одеяло и дергал его, будто пытаясь вытащить из-под себя.

Росс расхаживал по кабине и раздраженно ударял крепким кулаком по ладони. Он скрипел зубами и по-бычьему мотал головой, отбрасывая один довод за другим. Остановился, посмотрел на Мейсона и зашагал снова. Включив наружное освещение, уставился в иллюминатор – должно быть, хотел убедиться, что ему не померещилось.

Прожектор осветил потерпевший аварию корабль. Корпус загадочно поблескивал, похожий на огромную разрушенную гробницу. Росс с беззвучным рычанием дернул рубильник и повернулся к команде.

– Ну хорошо, – сказал он. – Я не могу решать за вас. Давайте голосовать. Возможно, эта штукавина – совсем не то, что мы думаем. Если вы оба считаете, что стоит рискнуть... мы взлетим. – Он тяжело вздохнул. – Голосуем. Я за то, чтобы остаться.

– А я за то, чтобы лететь, – сказал Мейсон.

Они обернулись к Микки.

– Картер, – окликнул Росс, – ты за что голосуешь?

Микки мрачно оглянулся.

– Голосуй, – поторопил его Росс.

– Летим, – сказал Микки. – Лучше умереть, чем остаться здесь.

Росс судорожно дернул кадыком. Затем глубоко вздохнул и расправил плечи.

– Хорошо, стартуем, – негромко произнес он и направился к приборной панели.

– Помилуй нас, Господи, – прошептал Микки.

Капитан помедлил мгновение и повернул рычаг. Огромный корабль задрожал; топливо воспламенилось, из кормовых дюз ударила управляемая молния. Рев двигателя подействовал на Мейсона успокаивающе. Он, как и Микки, готов был рискнуть. Астронавты пробыли на планете лишь несколько часов, но казалось, что прошли годы. Минуты тянулись, нагруженные гнетущими воспоминаниями. Об этих безжизненных телах, о разбитой ракете... но больше всего о Земле, которую они могут никогда не увидеть, о родителях, женах и детях. О потерянных навсегда. Нет, рискнуть все же стоит. Сидеть и ждать – самое тяжелое испытание. У него не осталось на это сил.

Мейсон сел в свое кресло и застыл в напряженном ожидании. Микки вскочил с койки и подошел к приборам кон-

троля двигателя.

– Я подниму корабль без проблем, – сказал Росс. – Нет никаких причин... для волнения.

Он замолчал. Оба помощника резко обернулись и нетерпеливо воззрились на него.

– Все готовы? – спросил Росс.

– Стартуем, – ответил Микки.

Капитан сжал губы и сдвинул переключатель с надписью «Вертикальный подъем».

Корабль дрожал, словно не решаясь взлетать, но вот он оторвался от земли и двинулся вверх с возрастающей скоростью. Мейсон включил экран заднего обзора. Он смотрел, как удаляется темная поверхность планеты, но не решался взглянуть на белое пятно в углу экрана, металлически сверкающее в лунном свете.

– Пятьсот, – отсчитывал он высоту. – Семьсот пятьдесят... Тысяча... Полторы тысячи...

Он все еще ждал. Взрыва. Отказа двигателя. Падения.

Они продолжали набирать высоту.

– Три тысячи, – объявил Мейсон, не скрывая воодушевления.

Планета уходила все дальше. Другой корабль остался лишь в воспоминаниях. Мейсон оглянулся на Микки. Тот стоял с открытым ртом, как будто готов был крикнуть «Быстрее!», но не смел искушать судьбу.

– Шесть тысяч... Семь... – ликующим голосом продолжал

Мейсон. – Мы вырвались!

Лицо Микки расплылось в улыбке. Он провел рукой по лбу, и тяжелая капля пота шлепнулась на пол.

– Господи! – чуть ли не задыхаясь, пробормотал он. – Владыка небесный!

Мейсон подошел к креслу капитана и похлопал Росса по плечу.

– Мы справились! Отличная работа!

Росс раздраженно обернулся:

– Это все ничего не значит. Теперь придется искать другую планету. – Он покачал головой и добавил: – Это была плохая идея – улететь отсюда.

Мейсон удивленно уставился на него. «Тебе меня не переубедить», – подумал он, а вслух сказал:

– Если когда-нибудь снова увижу блеск, буду держать язык за зубами. К черту все эти инопланетные расы!

Ответа не последовало. Мейсон вернулся к своему креслу, взял таблицу, тяжело вздохнул и решил: «Пусть себе ворчит, ничего больше не хочу знать». Теперь все в порядке. Он невольно задумался о том, что могло случиться там, на планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.